

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ЛАБИРИНТЫ СОЗНАНИЯ

2015

Оглавление

Пролог	5
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	56
Глава 7	57
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	71
Глава 11	71
Глава 12	78
Глава 13	80
Глава 14	85
Глава 15	87
Глава 16	89

С. А. Зелинский

Лабиринты сознания. Роман.

© Зелинский С. А., 2015

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

С.А.

Зелинский

Лабиринты сознания

2015

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

«ЛАБИРИНТЫ СОЗНАНИЯ». РОМАН

роман

Лабиринты сознания

Пролог

Наша жизнь – это игра в реальность. Но если мы когда-нибудь захотим жить в реальности – это получится не у всех. Но ведь есть и мечта. Мечта у каждого своя. И тогда уже наша жизнь в какой-то мере – бродить в этих лабиринтах жизни в поисках мечты. Бродить в лабиринтах мечты... понять свою душу.

Глава 1

Вот что любопытно. По мере возрастания моего стремления нащупать тот путь, который способен был вывести меня из безумия – я, можно сказать, и не желал этого. Ну, или – почти не желал. То есть можно было сказать, что во мне назревал некий внутренний протест. Но за стремление к своего рода исцелению, – угадывалось не желание этого. Как будто мне нравилось находиться в этом состоянии. Состоянии искаженной реальности. И тогда любые попытки, были лишь обманом. Самого себя.

Однако, для того, чтобы понять, что мне действительно нужно, следовало разобраться в неких, если можно так выразиться, свойствах психики. Психического состояния. Иными словами, разобраться, что для меня на самом деле ближе. Принять мир – как некий реализм. И уже отсюда – попытаться изменить саму природу собственного естества. Или же принять за альтернативу некую точку, относительно которой – все, что мне оказывалось действительно близко, и было тем самым ирреальным, с существованием которого я вроде как и смирился (но сам факт возникновения попыток анализа – свидетельствовал, что не до конца).

Итак. На чем же следовало мне остановиться? И уже вслед напрашивающейся идее каким-то образом объединить две полярности – мне пришла идея все же выбрать что-то одно. По крайней мере, не вводя в заблуждение в том числе и себя. И я понял, что мне не нужно бояться этой самой ирреальности. Ведь если допустить, в этом не было ничего такого уж страшного. Причем, на самом деле, в подобном состоянии пребывают большинство людей большинство времени. Лишь быть

может иногда (вынуждено) возвращаясь обратно. В социум. Да и то – ведут себя там столь странно, что, во-первых, ничего кроме недоумения это не вызывает, а во-вторых, становится понятно, что для них возвращение – не нужно. И они вполне могут находиться (все время) в том своем мире, который кто-то волен сравнивать с миром иллюзий. А кто-то – и с измененным состоянием сознания. (Самые смелые назвали бы патологическим расстройством сознания). Но это не важно. Ведь если что-то не понимает большинство, это не значит, что следует подстраиваться под мнение этого большинства. Справедливее признать, что просто это большинство ошибается.

.....

Не легко писать о себе. Тем более если видишь себя не таким, каким тебя замечают окружающие. И поначалу какое-то время удается откладывать подобные воспоминания. А потом уже и не можешь удержаться. И лишь только убеждаешь себя, что ты лишь беспристрастный наблюдатель происходящего. И ни в коем случае неволен не только давать какую-то оценку (заранее словно предусматривая ее искажение), но и вовсе пытаешься абстрагироваться от окружающей действительности. Что не совсем получается. Потому как уж ты-то знаешь, что описываешь то, чему сам являлся свидетелем. И не только свидетелем, но и главным участником. И уже от этого - не очень-то и желаешь ты, чтобы обо всем этом узнал кто-то еще. Словно опасаясь, что чем-то могут они навредить тебе. Подсознательно понимая, что если бы это было действительно так, то в последний момент нашлось бы что-то такое, что удержало бы тебя от излишних откровений.

Ну, разумеется, если это возможно. А ведь, по сути, невозможно. И ты это понимаешь даже лучше, чем если бы кто попытался тоже самое довести до тебя. Ибо себе-то ты привык доверять настолько, что уже давно не вызывает сомнений что-то сказанное тобой. Да и никаких сомнений, конечно же, быть не должно. Ты это знаешь. И, понимая, - стараешься контролировать ситуацию. Держа возникновение любых сомнений под контролем. И отдавая себе отчет, что именно контроль в данном случае и есть то, что сможет удержать твой разум; придав проекции его на внешний, окружающий мир, некое спокойствие. Хотя в душе твоей никакого спокойствия нет уже давно. Какое-либо спокойствие давно забыто. Как и ты уже, в какой-то мере, забыл себя «настоящего». Такого, каким ты когда-то был. Прежде чем стал подменять собственный взгляд на жизнь выдуманными образами. Выдуманными настолько, что уже по настоящему забыл: какой же ты на самом деле есть?

Да и, наверное, не только забыл, но и такое сомнение медленно заползает в твою душу. И у тебя уже совсем нет сил как-то воспрепятствовать этому. Убедив себя со временем, что все это так и есть. И ты на самом деле - себя - не знал. А то и уже смирился с этим.

.....

- Выходит, что так,- я давно уже проснулся, но до сих пор лежал в постели, размышляя... о чем-то размышлял. Я всегда размышлял. Можно сказать, что вся моя жизнь была построена на этих самых размышлениях. Размышляя,-- закончил университет. Потом защитил две диссертации, став в сорок лет доктором наук. Психологических. В душе я всегда был философом. И относился с почтением к любым наукам. Так же как и уважал своих учителей.

С недавних пор учителей не стало. Как не стало и многого из того, чему преклонялся раньше. И теперь я никому не преклонялся. Теперь почитали большей частью меня. И в глубине души (я все же боялся, что это станет заметно) мне это нравилось. Нравилось настолько, что иной раз не мог сдерживать проявление чувств. А тем более отказываться от всех тех многочисленных действий, которые совершал неосознанно. Ненарочно. Словно даже наблюдая, как они происходят, со стороны. Я не мог сказать, что лично мне нравилось подобное положение дел. В иных случаях справедливее было бы сказать, что мне совсем не нравилось. Но от меня мало что зависело. К тому же я не воспринимал все это так, как к этому относилось большинство. И что уж наверняка, я совсем не верил, что нечто-то подобное вообще возможно. Это была игра. Даже первоклассная игра. И я всегда подходил к подобному с азартом охотника. Начиная готовиться задолго до того, как это должно было произойти. Притом что само начало угадывал интуитивно. Ко мне словно спускалось озарение. И я понимал, что скоро все начнется. И тогда уже нельзя было медлить. Причем, разумеется, следовало не только включаться в игру, но и выходить в ней - заранее - победителем.

Впрочем, кто победит – я знал. Знал всегда. Знал, что просто не могу проиграть. Да ведь никогда и не проигрывал...

Что же это было на самом деле? Неужели могло это выглядеть как-то иначе? Неужели все это был обман, иллюзия, а я всему этому верил? И старался уже, получается, обмануть самого себя. Притом что в действительности все было даже по-другому. Черт его знает. Иногда я мог запутать и самого себя, впадая в некое сомнамбулическое состояние, когда все окружающее меня воспринималось словно во сне и я каким-то краем сознания начинал подозревать, что все на самом деле и не совсем так, как это виделось мне. Как я желал это видеть. И в реальности - окружающий мир совсем даже другой. Хотя, окружающий мир, конечно же, оставался таким же. Этот мир вообще был что-то наподобие категории постоянства. И уж наверняка почти совсем не изменился.

И тогда уже отличным был мой взгляд на этот мир. Когда все мне виделось совсем не так. И я вскоре действительно легко запутывался в том, что происходит. Ну, так уж выходило...

.....

Мне казалось, что я потерял память. Ну, или что со мной начали играть шутки какие-то уж и вовсе злобные силы. Смысл и цель действий которых пока не складывался во что-то конкретное в моем сознании. И я только мог вопрошать: что же здесь действительно происходит?

И не было ничего, чтобы натолкнуло меня на какую-нибудь нужную мысль. И мне на миг показалось, что сейчас меня более чем когда окутывает мир бессознательного. Который властвовал уже как вроде бы и сам по себе. Совсем не считаясь с моими желаниями или представлениями о чем-либо. И словно ничего конкретного не предполагая, я пребывал в каком-то особом сомнамбулическом состоянии. Нисколько не решаясь надеяться, что это когда-нибудь закончится. А жизнь моя изменится. И будет все совсем по-другому.

Странное это было время. Я сейчас вспоминаю об этом, и меня ничто не успокаивает, что и раньше ничего подобного не могло произойти. Нет. Я не понимал, пусть я не понимал, почему это случилось, но ведь не было у меня возможности что-либо предусмотреть. Как-то не допустить ситуацию. Не допустить возникновение этой ситуации. Предполагая, что когда-нибудь все будет совсем иначе.

.....

Мне показалось, что я нащупал какое-то недостающее звено, необходимое чтобы выстроить свои отношения с людьми. Хотя, конечно, отношения складывались и так. Я даже мог сказать, что при этом я не мог быть до конца уверенным, что подобное будет продолжаться какое-то длительное время. И всякий раз, начиная общение, я инстинктивно ожидал завершения его. Причем к этому могло и не быть никаких оснований. Просто мне так казалось. Просто... Да нет. Мне ведь и действительно так казалось. Притом что поначалу я даже не думал о том, чтобы от этого избавиться. Но, конечно же, по настоящему самое главное для меня заключалось в том, чтобы научиться задействовать какие-то механизмы в собственной психике, чтобы заранее предотвращать возникновение каких-то критических ситуаций. И не дав им развиться, не только предотвращать, но и достаточно уверенно не допускать подобного впредь. И у меня даже получилось. Все получилось. Вернее - мне показалось что так. Хотя уже и оттого, что так стало казаться, я заметно вырос в своем внутреннем развитии. Преодолев то, о чем быть может и не мог мечтать. И при этом...

Я вскоре понял, что все это слишком мало, чтобы начинать торжествовать победу. Да и даже как таковая победа мне была не нужна. Ведь я понимал, что от самого факта существования чего-то подобного не уйдешь. Не скроешься. Не умалишь его. А потому я должен был...

А и на самом деле - кому я был что-то должен? Ведь вряд ли что-то такое было в действительности. И мне казалось, что скорей всего это был плод каких-то достаточно странных фантазий. Сродни бреду разума. Разума, которого в иные моменты во мне и не было. Ну, или я не ощущал его.

.....

Иной раз, пожалуй, я был непредсказуем в своем поведении. Меня практически невозможно было просчитать. И, казалось, я делал все, чтобы сформировавшийся у других мой образ - таким же и оставался. Причем, если я собирался что-либо изменить, то подобную корректировку делал невероятно осторожно. Словно опасаясь сделать ненужный крен в сторону, выбившись из рамок того образа, который, вероятно, для себя сам и придумал. А вот что касается непредсказуемости... Так стереотипов (как бывших, так и ныне формируемых) я не любил. Даже больше - выступал явным противником их. И если кто-то, пытаясь навязать мне свое выстраданное мнение, вдруг начинал использовать шаблоны - я неожиданно принимался саркастически хохотать, а потом -- вдруг опомнившись -- старался поскорее убраться вон. Остаться одному. Уйти... Впрочем, как сказал один знакомый, вероятно подобная реакция ничто иное, как один из способов защитного механизма психики, пытающегося таким вот образом оградить свое сознание от ненужного вмешательства. И как бы кто-то не качал головой (не соглашаясь или соглашаясь), заметим, что подобная точка зрения как минимум имела место быть.

.....

Одиночество давалось нелегко. Точнее, не то чтобы одиночество. К этому я в какой-то мере привык. Семьи не было. Родителей тоже. Работа... Впрочем, хватало работы.

И вот когда я вдруг осознал, что длительное нахождение наедине с собой приводило к какому-то ненужному самокопанию. Я выискивал зачастую несуществующие проблемы. Обвинял себя в многочисленных грехах. Вспомнил, разом вспомнил, что кому-то когда-то нагрубил. Кого-то обидел. Причём, за давностью лет, если даже когда и был виноват не я (что случалось, признаться, в большинстве случаев) -- бывший конфликт представлял совсем в ином виде, где виновен был исключительно я и только я. А какие-то оговорки в защиту не принимались и не рассматривались.

Вообще же, если разобраться, я страдал. И страдания эти с каждым прожитым днем только усиливались. Правда, никогда никому я в том не признавался. Быть может, из-за желания казаться

значительно сильнее, чем был на самом деле. А может просто не доверял никому. Ведь, по сути, что значит «друзья»? В ином каком-то смысле слово «друг» несомненно означало бы намного больше, чем предполагает воображение. Но... совсем не так было у меня. И даже, несмотря на то, что отношения могли вырисовываться действительно дружескими -- таковыми они, конечно же, не были. И секрет наверное заключался в... нарциссизме каждого из моих предполагаемых друзей. Тех, кто бы мог стать другом. И которого я подбирал из всех с наличием некой похожести на себя. Что, впрочем, и понятно.

И мне не стыдно было в этом признаться. Ведь почти невозможно допустить, чтобы никто не осознавал подобного рода собственных пристрастий. А может наоборот - осознавали и оттого... тщательно скрывали, вытесняли подобное желание. Но - вытесненное - оно прочно закреплялось в подсознании, подспудно влияя на последующее и поведение и вообще мировоззрение.

Помнится у одного из моих якобы друзей при ряде кодовых слов, что я говорил (только у него появлялось предчувствие, что речь заходила о нем), тотчас же проявлялись все признаки психосоматики: начинал дрожать голос и, желая скрыть это от других, он любыми путями спешил остаться один. Часто - выскакивая даже из поезда метро или из автомобиля. У другого знакомого тоже была схожая реакция. Но она словно шла вразрез с мнительностью. Он подозревал всех и вся. И его мнительность - была настоящим бичом для любого, кто намеревался общаться с ним. Стоило только кому-нибудь заговорить – мой знакомый тотчас же принимался настороженно всматриваться в говорившего, отыскивать какой-либо подвох, таящийся в его словах. Причем, ведь совсем нельзя было сказать, чтобы он никому не верил. Совсем нет. Просто вера, быть может, была у него совсем специфической. Больше, вероятно, напоминая неверие. Однако, мнительность вынуждала развитие подозрительности. И уже именно подозрительность была тем заградительным частоколом, который возникал на пути желающих с ним общаться. А внутри еще у одного моего потенциального «друга» прочно сидело где-то в подсознании нарцисстическое начало. Но включалось оно не всегда. И долгое время тот мой знакомый мог оставаться душевным и компанейским человеком. И мало кто подозревал, насколько порой тяжело, ему это давалось.

Впрочем, я тоже избегал общения. Но в моем случае - избегал я скорее именно длительных знакомств. Словно у меня все время сохранялось ощущение надвигающейся опасности, готовой разразиться в любой момент - катастрофой. И я - словно обезопасивал себя таким вот образом. То есть, предпочитал лучше избежать ненужной встречи, чем позволить постороннему человеку нащупать свои слабые стороны и ожидать после этого нападения с его стороны. В дружбу я не верил. А свое общение с друзьями рассматривал как некую форму того обязательного, что должно присутствовать всегда, и что как бы достается нам в виде исключения из стандарта общих правил.

То есть - раз положено иметь друзей -- так почему бы не остановиться на тех из них, кого можно еще и изучать. Психику их, точнее.

Любопытно, но когда один мой знакомый писатель пытался сопоставлять представленную перед ним троицу (я и двое моих знакомых), то решил написать о нас книгу. Но что это будет: действительно книга или только биографически-описательные заметки да зарисовки - я не знал. Да и он пока, насколько знаю, еще так и не взялся. А может уже написал, но мне не показывает...

.....

Мои мысли каким-то загадочным образом периодически сбивали незримый ход рассуждений в область непрекращающихся и невероятно выматывающих самообвинений. Причем, самобичеванием дело, видимо, не заканчивалось. И та тревога, которая, словно только намечала свое присутствие, теперь неотступно следовала за мной. Грозил перерасти в тот всепоглощающий кошмар разума, который был представлен в распалившемся сознании настоящей психопатологической симптоматикой. И который так просто, конечно же, не мог исчезнуть.

-- Неужели не будет от этого избавления? - беспрерывно задавал я себе один и тот же вопрос. Но возможные варианты ответа - все как один - только уводили в сторону. Иной раз совсем как будто из плоскости восприятия объективной реальности.

А иногда случались порывы необходимости какого-то действия. Ни начала которого, ни сути предполагаемого деяния я, тем не менее, как ни пытался - не осознавал. Почему-то выходило, что случившееся как будто - некое запрограммированное предначертание. От которого избавления не существует. И что точно, я винил в происходящем только себя. А вопрос - на кого переложить ответственность, даже не поднимался. Не поднимался,- но незримо присутствовал.

Я, видимо, все больше запутывался. Но что мне было делать? Особенно понимая, что как-то нужно было выходить из создавшегося положения...

Осознание какой-то страшной реальности отзывалось во мне жуткой и неприглядной для восприятия болью. Не сказать, чтобы я к этому был совсем не готов... Но, насколько я мог судить на самом деле, наступление чего-то похожего я каким-то образом все время отодвигал куда-то на задворки сознания. Ошибочно полагая (не в этой ли ошибке мне сейчас приходилось расплачиваться), что если смог избежать его сейчас - то значит, оно уже никогда и не придёт. Но сказать, что я действительно заблуждался? Мог ли я позволить себе сказать об этом?.. Не это ли и есть - ошибка? Ошибка именно в «понимании непонимания»?

В какой-то момент я принялся, было, обвинять себя в бесчеловечности. Но осекся, выдвинув себе в оправдание теорию о том, что я и сам, мол, такой же несчастный, как другие. Просто может быть научился скрывать свое состояние от окружающих. Не выплескивать на других все те недовольства, которые вскипающим штормом разливаются внутри, и которые я...

Нет. Я не искал повода найти успокоение. Можно было даже сказать, что подобное состояние чуждо мне. И в стремлении прекратить начинавшуюся внутреннюю тревожность (которая, я знал, черт знает к чему может привести) - я с суматошной поспешностью делал все новые и новые попытки разобраться. Разобраться, зная что ничего не изменится. Ни сегодня, ни через год, ни через жизнь. Вся причина заключалась во мне. И это было, видимо, итогом той нервозности, которая настолько близко слилась с моим обыденным состоянием, что мне уже было невозможно (даже если б я захотел) отделить одно от другого. Я знал одно: я должен была страдать. Это страдание было своего рода искуплением за мое отношение к жизни. Искуплением, больше напоминающим расплату. Потому что в семантическом единстве эти слова казались не только связаны неразрывной связью, но и способны были усиливать эффект. А значит ждать каких-либо улучшений -- все равно, что сдаться, смирившись с неизбежным. Но способен ли я был допустить подобное? К черту все! Мою жизнь! Положение! К черту всю ту нелепость, которую могут подумать обо мне другие!

...Я посылал, выкрикивая ругательства, все к черту... и мне становилось легче.

.....

Я пробовал читать. Читать не хотелось. Я совсем не способен оказался собраться и решить, что же мне теперь следовало делать. Одинокая луна казалась такой же одинокой, как и я. Или я - как она?

Еще днем кипевшие мысли, будоражащие хоровод желаний, неожиданно смолкли перед ощущением вечности, которая нависла надо мной. Или это нависла тьма? Я зажег настольную лампу. Лампа оказалась единственным, что уцелело после недавнего побоища с собственным сознанием, когда я, попутно с выкрикиваемыми ругательствами, еще и разбивал все что видел вокруг. Что я должен делать теперь? Спать? Спать не хотелось. Быть может, следовало попробовать убрать в комнате? Расставить хоть кое-как уцелевшую мебель, - я искоса пытался оценить масштабы «погрома». Собрать -- уже, впрочем, отсутствующие -- мысли... Делать мне ничего не хотелось.

.....

Я давно уже перестал что-либо понимать. Началось это давно. Сознание словно в одночасье оказалось не готовым к реальности. И почти все время стояла дилемма: удерживать собственное сознание в надлежащих границах, или же махнуть на всё рукой. Но ведь надо было жить. Жить, не взирая на подстерегавшие на каждом углу сложности. И, конечно же, хоть как-то, но не обращать внимание и вовсе на что бы то ни было. Словно передо мной разверзлась земля. И я провалился в потусторонний мир. Тот мир, где были другие законы. И даже не сами законы,- а вообще - иной взгляд на них. А это, пожалуй, намного сложнее. Ведь к законам еще можно как-то подстроиться. А к тому мнению, непосредственно формирующему взгляд на отношение к каким-либо обстоятельствам (будь то сама жизнь или только видение ее) - иначе как принять это что-то в себя -- подстроиться было невозможно. Все приходилось - или принимать за чистую монету, или же изначально отказываться от нее. И совсем нельзя было выбрать - что лучше. Но самое печальное, это состояние, которое словно поглотило меня - нельзя было избежать. Как-то обойти. Так же, как нельзя было и не заметить. Несчастье свалилось на меня. Но сейчас я даже не способен был в полной мере осознать пагубность этого несчастья. Потому что совсем потерял возможность подвергать какому-то анализу внешний мир. Будучи погруженным, главным образом, вглубь себя. Своего «Я». Своего сознания. И на самом деле достаточно и сложно и ошибочно было пытаться ответить на вопрос: хорошо это - или плохо? По всей видимости - это было ужасно. Но тогда уже и весь ужас был неким однобоким что ли. Потому что совсем не может он объяснить то, что происходило со мной на самом деле. А на самом деле... На самом деле это была трагедия, масштабы которой видимо я пока действительно не осознавал. Потихоньку сходя с ума. Лишаясь рассудка. Или наоборот – невероятным образом обретая его. Загадка.

.....

У меня, конечно же, были знакомые. Но кто были эти люди? Наверняка ведь или они мне, или я им, или мы друг другу нравились. Испытывали взаимные симпатии. Или же просто нас объединяло какое-то дело, окончание которого уже как будто и предполагало и окончание общения между нами. Причем тут же можно предположить, что не только окончание дела, но и невыполнение его по каким-то причинам. И точно также, видимо, разочарование друг в друге уже во время выполнения этого дела. Причем само дело, по всей видимости, было сродни чему-то важному, быть может даже секретному. Ну, по крайней мере, что уж точно (не помня никакого «дела», я тем не менее предполагаю что это так) было что-то такое, что включало в себя тайну. И уже быть может - как раз наличие этой самой тайны и спланивало нас. Потому как ничто не может объединить больше, чем совместная принадлежность к какому-то тайному ордену, члены которого

составляют между собой братство. И совсем иначе смотрят на тех, кто не входит в их (сплоченные и секретные) ряды.

Что до какой-то секретности, то думаю, она была весьма условна. Скорей всего было нечто, что действительно могло свидетельствовать о не особом желании распространения о том деле, которое нас объединяло. Если, разумеется, допустить что это все действительно так. И хотя я не помню каких-либо деталей (да и наверняка бы достаточно скептически отнесся к наличию их), тем не менее могу просто предположить, что нечто подобное наверняка было. Ну, на крайний случай, а почему бы и нет?

.....

В той ситуации, в которой оказался я сейчас, словно бы предполагается, что я действительно должен разобраться, почему в моей жизни происходило то или иное событие. Причем это уже кажется интересным мне. Ибо, получается, я предвижу, что каким-то образом все это способно помочь мне. Помочь разобраться не только в прошлом, но и в настоящем, но и в будущем. Потому как уже без всяких сомнений, если мы знаем ошибки, совершенные когда-либо – нам заметно легче становится обходить острые углы в нашем (далеком - не далеком – вопрос условный) будущем. И можно даже предположить, что наше будущее неким таинственным образом уже и формируется в соответствии с наличием в нашей жизни прошлого. Того прошлого, которое для меня совсем не хочется чтобы исчезало. Потому что...

--А быть может и не было никакого прошлого?— задумался я.— Быть может не было ничего, на что мне бы сейчас пришлось обращать такое уж особое внимание. А значит, в соответствии с этим...

Это все не так. Это все не так, потому что я с легкостью могу опровергнуть самого себя. Это все не так, потому что в призрачном возникновении подобных мыслей угадывается нежелание доискаться истины. Хотя и каждому должно быть известно исцеляющее значение правды. Той правды, без которой совсем невозможно жить. Потому что чуть ли не любое наличие правды приводит к исцелению души. А если не болит у вас душа – то вы сможете совершать дела с еще большим вдохновением. А значит есть некая уверенность, что все у вас действительно получится.

Все эти люди видимо действительно существовали. Но уже понимаю я, что на самом деле и ничего не изменится от упоминания их. Даже если я вдруг всех их вспомню – это на самом деле ничего не изменит. Потому что если нет их сейчас, значит и действительно все произошло каким-то образом в соответствии с течением времени. И ничего не изменилось бы, надумай я сознательно вмешиваться с ту ситуацию. Потому что... Потому что – то, что и так происходило – так

происходить было и должно. И я совсем неволен был вмешиваться в ход времени. Особенно если учесть, что от какого-то вмешательства моего на самом деле ничего бы не изменилось.

.....

Я вот подумал сейчас, что, по видимому, причиной, почему я с легкостью шел вперед, расставаясь с людьми, с которыми общался когда-то, было то, что на каком-то конкретном жизненном отрезке выбрал я ориентиром каких-то людей, наиболее близких мне на то время по духу. И уже неким бессознательным образом строил жизнь в соответствии с принципами этих людей. Причем, конечно же, со временем я вносил свои коррективы; и почти с точно такой же легкостью расставался и с этими людьми. Хотя и до сих пор в отношении их уверен, что можно практически в полной мере возобновить наше прерванное общение. Притом что как оно было прервано – для меня быть может неким образом и настоящая загадка. И что уж точно, не думал я тогда, что все действительно так нелепо и печально, как может представляю это сейчас.

Странная, конечно, ситуация. Причем, насколько она странная, настолько же и нелепая. Потому как ведь до сих пор в полной мере не уверен я, что необходимо мне поступать как-то так, а не иначе. И все, о чем могу я действительно подумать, так это лишь только о том, почему же все действительно произошло именно так. Ибо, ничто как будто и не говорит, что может быть по-другому.

Самым разумным и наиболее нереальным для меня было бы вернуться в прошлое. Но ведь это и действительно невозможно. Разве что в своем воображении начинать воскресать детали того, что было когда-то. И моделировать уже с учетом этого, нечто другое, новое, то, что могло бы быть, если бы... Если бы действительно когда-нибудь произошло сродни чуду. И можно было бы исправить многое (если не большинство) из совершенного когда-то, а потом вновь вернуться в будущее настоящее. Чтобы иметь подобную возможность. Чтобы более не сникать перед какими-то ситуациями, в которых через много лет стало известно, что поступил не так, не правильно, и что еще можно было бы все как-то, хоть как-то, изменить...

Я не пишу сейчас об антиутопии. Хотя и по всему получается, что именно так. А я тогда уже сознательно беру на себя ответственность во всем происходящем. И главным образом в оценке этого происходящего. Потому что многое из того, что, как мне кажется, требует изменения, на самом деле и не будет, и не должно быть так. Ибо будет это хотя бы минимальная гарантия того, что нечто похожее – будет уже и не совсем похоже, а – по-другому.

Я вот задумался: сколько же на самом деле разворачивается трагедий из-за того, что через какое-то время мы понимаем, что возвратиться назад, в прошлое, не только не возможно, но совершенно тогда было столько ошибок, что навсегда в нашей душе образуется после этого незаживающая рана. И еще грустней становится оттого, что ведь и действительно уже ничего не изменишь.

А ведь и действительно ничего не изменишь. Разве что... разве что сознательно реконструировать события прошлого; и, оживив их, пусть по иному сценарию. Что возможно, конечно, лишь только в своем воображении...

Признаться, что-то оттягивало меня по-настоящему заняться реализацией этого проекта. Словно бы... нет, я даже не то что не уверен, что не реализуется (а тем более – невозможен) он. Но так получается, что задумываюсь я прежде всего над тем: имею ли моральное право так поступать? И насколько вообще способность к неким подобным действиям – не способна привести к катастрофическим последствиям? Видимо это и действительно загадка...

.....

Я не помню сейчас разговоров, которые вел когда-то... Вот ведь и на самом деле удивительно. Но я не помню их. Видимо я никогда всерьез не задумывался о них. Притом что (хм, шутка что ли...) я ведь и действительно их вел. А судя по тому, что иной раз говорю я очень даже охотно – разговоров я вел много. И не о совсем уж чем-то пустом. На тот момент это видимо и действительно было актуально. Но вот реконструировать и их?.. Первое пятилетие практически всецело прошло под эгидой учебы. Дневное отделение факультета психологии словно бы и не оставляло ничего другого. Утро и день – учеба, вечер – спорт. Поздний вечер – занятия самообразованием. Ну а уже в это вклинивалось нечто, относящееся к обычной жизни. Ведь, безусловно, жизнь не могла состоять лишь только из учебы и спорта. Хотя, с другой стороны, ни из чего другого она и не состояла. Я мог бы задуматься, куда все же исчезло из моей жизни большинство из тех, с кем я общался когда-то? Почему они не дошли со мной до нового времени? Почему на каком-то этапе они покинули меня? Или это все же я – расстался с ними? И ведь это ни такая уж загадка. Просто через какое-то время многое действительно становится непонятно. А все попытки разобраться в вопросе, должно быть именно этими попытками и остаются. Без какой-либо надежды на разрешение ситуации; и разгадки истории вопроса.

Вот уже думаю сейчас, что ведь и в оставшихся пятилетках практически ничего не изменилось. Все также там появлялись люди, с которыми я быть может и еще ближе общался. А потом исчезали они. Причем зачастую не от какой-то серьезной причины. А скорее просто от того, что заканчивались между нами какие-то интересы. А видимо каких-то близких точек

соприкосновения все-таки не было. В результате чего и получалось то, что получалось. И вот тут уже неожиданно понял я, что все, что мне, быть может, необходимо было делать – это перестать играть с кем-либо. Потому как ведь и действительно, я рассматривал других людей лишь только как необходимых мне в разрешении каких-либо вопросов. Тогда как на самом деле, все, что мне было необходимо сделать, так это задуматься над тем, почему все это происходит так. Почему была необходима мне вся эта игра. Ибо уже как раз именно в заигрывании крылась и беда, и настоящая опасность. А заигравшись, человек перестает на какой-то момент контролировать ситуацию. Что приводит (а в случае со мной все время и приводило) к каким-то не совсем хорошим последствиям. И у меня не оказывалось выбора, кроме как не следовать новым и как будто открывшимся обстоятельствам. Тогда как понимал я (конечно же, понимал), что все это лишь ошибка. Быть может, самая серьезная ошибка, которая просто-напросто множилась на себе подобную. Что приводило к каким-то и совсем нереальным последствиям; а вся ситуация запутывалась настолько, что выхода я не только не видел, но и мне казалось, что его и вовсе не было. В чем, естественно, я более чем ошибался. Заблуждался попросту. Но ведь о чем подумал я сейчас. Я же не был таким уж дураком. Да наверняка и впечатление никогда не производил такого. И, тем не менее, как говорится, имеем мы то, что имеем. И пока я и не вижу выхода иного, кроме как действительно не измениться. И попросту отказаться раз и навсегда от этой игры. Хотя бы потому, что играя – я перестаю в полной мере отдавать отчет действительности. И мне кажется, что непременно в любой момент все можно повернуть по-другому. Тогда как ничего, по сути, уже и изменить невозможно. Разве что как-то разом забыть свое прошлое (поступки, совершаемые в прошлом); да и начать жизнь уже как будто заново. Со вновь открывшимися, как говорится, обстоятельствами. Но ведь уже получается и дурак я был, что не подумал об этом раньше. А если и подумал, то вдвойне дурак, что не воспользовался подобной возможностью. Ведь наверняка еще можно было что-либо изменить. И даже если не на все сто (наверняка, вмешались бы новые обстоятельства), то жизнь все равно пошла бы по-другому. А мне не пришлось бы сейчас винить себя за совершенное когда-то.

.....

Я не думаю до сих пор, что все так плохо. И как кажется мне, имеются еще обстоятельства, в соответствие с которыми можно выстроить мою последующую жизнь несколько иной, нежели чем она могла бы получиться, если исходить из данных, имеющихся сейчас. Ну а если возможно изменить жизнь, то и почему бы, как говорится, нам (мне) не попробовать. Тем более, если учитывать, что на это и действительно есть какие-то обстоятельства. Которыми, уже получается, как бы и необходимо воспользоваться.

Насколько просматривалась параллель между всеми перечисленными мной людьми? Ведь все они не только знали друг друга, но и многие из них по-настоящему дружили. Но видимо это так и останется загадкой. Потому как, по какому-то необъяснимому стечению обстоятельств, для меня все эти люди стали людьми из прошлого. И уехав от них, я ни с кем из них не поддерживал связь. Внутренне, конечно, переживая из-за этого. Все, что описал я раньше, было правдой. Но самая печальная правда является и той, что еще я не написал. И которую все время как будто и собираюсь написать, но что-то меня по-настоящему удерживает; словно бы я и хочу, и боюсь что все, что таит моя память, выплеснулось бы наружу. Это все и действительно более чем печально. Большинство из нас сознательно стараются, как бы не обращать внимание на то, что жизнь всячески стремится чтобы мы обратили на это внимание. Притом что видимо мы и действительно боимся. Боимся быть услышанными даже самими собой. И происходит в нас тогда внутренняя борьба. И ничто не способно заглушить самую настоящую правду. Правду о том, что таит наше подсознание. Наш разум. Разум, который как будто и не делает больше таить в себе всей этой боли. Боли и страданий, которые по всем признакам являются уже как непереносимым следствием ее. А может и предвестниками. Если предположить, что циркулирование вещей в природе не всегда имеет ту цикличность, которую мы как будто предполагаем. А на самом деле всегда более чем сознательно всего лишь стремимся допустить, что это так. И в действительности лишь только допускаем. Сами про себя понимая условность мира внешнего. И своей более чем призрачной роли в нем. И может когда-то нам придется остановиться и задуматься. Как минимум задуматься. Причем эта задумчивость будет не иначе как предвестницей того, что обернулось все иначе. После чего все проблемы и страдания уймутся хотя бы на часть. Потому как о полном избавлении от них на самом деле не может идти речи. И все более чем сложнее, чем мы даже можем предположить. И ведь по-особенному загадочно, что так случилось, что между мною и теми, с кем я когда-то общался, была нарушена связь общения. Причем самое до сих пор для меня непонятное, что я сам, казалось, предпринимал все, отчего потом мне становилось мучительно больно. И ситуация каким-то необъяснимым для меня образом запускалось мной настолько, что через время мне уже не удавалось возрастить все назад.

Насколько я совершал это все сознательно? Чем руководствовался я, когда совершал подобное? Наверняка ведь мне просто хотелось балансировать по краю. Словно предполагая, что в любой момент могу вернуться назад. Тогда как и не заметил, как наступил момент, когда этого уже не могу. Причем до последнего мне еще казалось, что это не так. И все (или многое) на самом деле в моих силах. А вот, получается, что ошибся.

Странно, конечно, что все это так. Странно, и по-настоящему... обидно. Я не нахожу действительных слов, способных выразить нынешнее состояние моей души. А самое печальное то,

что я по-прежнему продолжаю совершать ошибки. И уже мне кажется, что природа насмехается надо мной. Потому как все повторяется. И еще через какое-то десятилетие, окидывая взглядом недалекое прошлое, я буду говорить сам себе, что ничего не изменилось. И я проделывал тоже самое, но уже только с другими людьми. И, наверное, это будет самое печальное. И самое жесткое, по отношению к самому себе. Потому как я и действительно не могу остановить этот грустный бег времени. Не способен изменить положение вещей в этом времени. Во всем, что происходит с участием меня. Потому что во всем негативном, что происходит, причина – я. И это самое печальное.

Покажется несколько удивительно, но считая так, я не предпринимаю каких-либо шагов на пути избавления от душевных мук и страданий. Ведь, казалось бы, что может быть проще – ликвидировать причину, и уже не будет такого печального следствия. Но вот уже здесь могу сказать, что это несколько искаженный взгляд на положение вещей. Ибо в моем случае следовало как минимум разобраться, отчего же происходило так, что я был вынужден совершать поступки, после – в которых – мог бы раскаиваться. Не могла ли чем оправдаться вся эта «вынужденная необходимость». Ведь если только предположить, что мы знаем о какой-то проблеме, знаем о причинах, приводящих к ней, не оправданнее было бы избавиться от этих самих причин? После чего постараться уже не совершать их. Но считать так было бы, пожалуй, действительно просто. Да и, должно быть, многое уже не зависело от самого меня. Ибо, чем тогда объяснить, что все то, о чем после мне приходилось раскаиваться – продолжалось совершаться? Более того. Ничто как будто и не собиралось обратить меня от столь несправедного шага. Но удивительно, что то, что некогда представляло передо мной и казалось неразрешимую загадкой, на самом деле постепенно стало очерчиваться во что-то достаточно ясное для понимания. И я уже не был так далек от истины – как ранее. Правда сама истина казалась мне несколько искаженной. Но думается – так было лишь из-за того, что на самом деле ответ был близок и только. И я надеялся, когда наступит действительное понимание, тот все само и разрешится. Разум – успокоится. И я наконец-то нащупаю ту модель поведения, которая способна будет привести к дальнейшему пониманию. Пониманию действительности. А то, что было сейчас – лишь нечто среднее между действительно пониманием – и стремлением к этому. Но я не прекращал своих попыток. Даже можно было сказать – что я всяческими (развиваемыми) усилиями стремился приблизить себя к заданному ориентиру. И не хотелось верить, что он был ошибочным.

.....

Возвращаясь к своим записям, я заметил, что мне совсем не хочется перечитывать их. Материала хватит еще на много, и, по сути, значительное вкрапливание размышлений способно увеличить любой объем. Тем более что я, по сути, и не стремлюсь к нему. Те редкие часы, когда я оставлял работу и бывал сам с собой, я всегда казался себе неким волшебником. У меня всегда все получалось. Мне были подвластны любые, возникающие у меня, желания. И стоило мне оказаться наедине с собой даже на какое-то время – тотчас же приходило ощущение счастья. Но после... после начинало самообвинение.

В дни собственных самообвинений, я, казалось, не находил себе места. Для меня все становилось чуждым. Вызывало отвращение. И поистине, это еще было самое мягкое, что лезло мне в голову. А иной раз, там (в этой самой голове) начинался такой кавардак, что я не то что не знал что делать, а вообще, терялся полностью. И судя по тому, что я сейчас выработал к такому состоянию своеобразную модель поведения, можно судить о частоте возникновения. Ну а модель поведения была относительно проста: стараться (в этот день) предпринимать меньше дел. А то и вовсе – исключить их. Ибо было известно все, что ни сделаю я, непременно заканчивалось поражением. Так или иначе – напрашивающимся провалом. И сколько не предпринял бы я усилий, направленных на противостояние случившемуся – все оказывалось излишним. И абсолютно напрасным. (Быть может и выработалась модель поведения).

И все же я начинал подозревать, что, собственно, мое нынешнее состояние – в какой-то мере закономерное. Ну, например, человек, большую часть жизни проводящий погруженным куда-то вглубь себя – так или иначе, должен находить выход той психической энергии, которая накапливается в нем. В течение определенных жизненных этапов. И уже тогда – именно всплеск, выход энергии – проявляется как минимум в двух вариантах: или этот человек должен проявлять активность, в своего рода, коммуникативном контакте. Или же – в творческой деятельности. Я выбрал второе. Или, вернее, именно мое творчество – стало своего рода спасением. Спасением, быть может, и от начинавшегося расстройств психики. Психического здоровья. Погружение в свое бессознательное. И уже здесь следовало так или иначе вернуться к неким первоисточкам. То есть самым первым признакам погружения в бессознательное. Когда это началось? Да, вероятно, все в том же детстве. Приобретя более-менее осознанную форму в юношеские годы. И моя изоляция от других (которая, надо заметить, мне нравилась) – было той необходимой мерой, благодаря которой я вообще мог существовать.

Сейчас излишне гадать: что было бы, если бы я выбрал другой путь. Например, искусственно стал бы стремиться к общению. Мне кажется, ничего бы хорошего из этого не вышло. И в конечном итоге, в лучшем случае, привело бы к тому же стремлению к спасению в собственном

творчестве, что было явственно заметно сейчас. В лучшем случае – я бы заглушил (и тем самым потерял бы) способность к творчеству. А взамен – быть может ничего бы и не приобрел. Превратив себя в самое натуральное подобие изгоя. (Причем больше всего я бы боялся самого себя). Но поистине самое занимательное, чему уже долго я не мог найти никакого объяснения, было мое (вынужденное) балансирование между двумя (чуть ли не кардинально противоположными) видами деятельности: интеллектуальным трудом, и физическими занятиями. И уже здесь – почти наряду с явными противоречиями – стали проявляться и самые первые признаки намечающейся гармонии. Гармонии с самим собой (что мне всегда казалось самым значимым и желанным для любого индивида). Однако, это на самом деле парадоксально. И поначалу вынужденное (почему вынужденное – объясню чуть позже) сочетание интеллектуальной и физической деятельности рождало цепочку самых настоящих сопротивлений психики. Причем, она не только всячески противилась этому, но и грозила «выстрелить» симптоматикой какого-нибудь заболевания. И быть может тогда – стало появляться то самое расстройство (психики), от которого я так стремился избавиться. Или же это расстройство намечалось раньше. И сейчас просто появился повод проявиться ему. Ну уже как бы то ни было, я отчего-то решил не отступать. Тем самым попытавшись объединить в своей деятельности два начала. Два разноплановых вида деятельности. И вот теперь, вероятно, подошло время разъяснить: в чем же заключалось (наметившееся) противостояние. Ну, перво-наперво, в чем заключался мой физический труд? Следует признаться, что сам по себе он и не был таким уж физическим. Но все же – именно таким и являлся. Так сказать – по сути.

Эта чертова юность... За всей внешней оболочкой «безоблачности» - таилась жуткая внутренняя сущность начала страшной трагедии. Его эмоциональное состояние часто перехлестывало через край настоящего осознания действительности. Да и «действительность» как будто не была так страшна. Но это была только оболочка. А на самом деле...

На самом деле все выглядело намного страшнее, чем можно было себе представить. Но... я не мог на самом деле писать об этом. Что-то постоянно ускользало. Как будто удавалось уловить какой-то смысл (истинный смысл),-- а тот смеялся в злорадной усмешке. И это совсем не располагало к какому-то пониманию. И уже в следующее мгновение как будто какого-то недавнего понимания не было. А вновь начиналась пустота - жуткая, неосызаемая боль и пустота. И я совсем не знал, к чему это могло привести. Как разве что только ни к чему-то ужасному; страшному; коварному...

Вот оно! Коварность! Вот что било неожиданно под дых. Вот что внезапно напяливало на голову колпак. И я уже не видел ничего вокруг. И я уже пугался всего самого простого и

незначительного. И я терялся в самых простых событиях (в «оценке» их). И путался в мельчайших (и, зачастую, совсем не относящихся к делу) деталях. И я хотел... Я хотел...

А ведь в молодости я действительно хотел умереть... Ну, пусть это было не в молодости. (Хотя, наверное, и в молодости тоже. Впрочем... в молодости я уже научился как-то «забывать» об этом. Научился переориентировать свое внимание). Но юность... Моя юность была отмечена целой серией этих неудачных (в итоге - неудачных) попыток лишить себя жизни. Как нелепо это все!.. То, что это не продолжается сейчас - свидетельствует только о том, что он научился как-то справляться со своей внутренней (душевной) болью.

Но это совсем не означает, что все прекратилось, что все закончилось навсегда. Нет. Это еще совсем не означает это. Совсем. Не означает...

Получается... Да нет. Это все еще раз, в который уж раз, говорит о том, что механизмы принятия решения им должны быть найдены. Он просто обязан разрешить свои внутренние противоречия. Просто... Просто,-- чтобы не допустить этого впредь...

.....

Что же это были за «состояния»? Мне необходимо было в этом разобраться. И как-то так выходило, что я вынужден был вновь и вновь испытывать то, что когда-то уже происходило со мной. А иначе...

Да и так понятно. Я обязан был снова почувствовать ту эмоциональную боль, ту наполняемость душевной тревоги, те волнения (которые какое-то время,-- и очень долго, по сути) сопровождали мою жизнь.

Можно было признаться самому себе, что все, что заключалось, таилось, разрасталось, бурлило, кипело внутри - незримым образом проецировалось на жизнь, на контакты (такие редкие, но избежать их было невозможно) с внешним миром. И видимо, как раз из-за этого - я с таким трепетом относился к своему внутреннему миру. Да и я не мог позволить, чтобы кто-то вмешивался в него. Не мог допустить (да как я мог допустить!?) чтобы кто-то (хоть кто) вторгнулся в мой мир. В тот мир, который не только был мой. Но, на охрану которого была направлена вся жизнь. Означало ли это, что в какое-то мгновение все эти психические состояния тревожности и внутренней неуверенности и неудовлетворенности подменяли собой то, что могло быть на самом деле? Да, наверное, это и так. Только признаться в этом я не мог. Да и как? Как я мог признаться в этом? Ведь если бы я позволил себе что-то подобное, у меня уже бы не осталось ни единого шанса к сопротивлению. А смириться для меня означало бы... Это бы означало поражение. А потому я очень трепетно относился к собственным мыслям. Избегал особенно нежелательные из них. И каким-то совсем необъяснимым образом стремился... Впрочем. К чему я на самом деле стремился?

.....

В который уж раз я всматривался в безбрежную даль простиравшейся передо мной вечности. Или неизвестности. Что в какой-то мере - было одно и то же. Ну может не всегда. Но в отношении всей той ужасающей особенности психики, психики, вынужденной постоянно подвергаться каким-то необъяснимо-ужасающим воздействиям, психики, невольно предстающей все время в каком-то искаженном варианте, психике, которой не так-то и просто... Я задумался. В последнее время я все чаще обрывал свои мысли. Я теперь мог это позволить. Раньше - мои размышления могли привести к совсем необъяснимому. И негативная сущность всей этой необъяснимости часто превалировала и замещала какое-то конструктивное начало. Вот ведь как. Действительно, так выходило, что что-то плохое (что зачастую,-- ну а почему нет, если это было) намного превышало что-то хорошее, что-то положительное, что, несомненно, еще во мне оставалось; и что...

А ведь я боялся чего-то хорошего в себе?! К такому выводу я пришел сейчас. Вообще, преимущество нынешнего положения (и как-то свидетельствующее о том, что я находился на правильном пути) было то, что я приходил к тем заключениям, от которых невольно отрекался раньше. Я просто не мог, не был способен прийти к чему-то подобному раньше, потому что... потому что боялся чего-то такого раньше. Вот ведь как... А ведь я действительно все время чего-то боялся... Боялся кого-то обидеть (чтобы после не обидели меня). Боялся выглядеть глупым (чтобы после не воспользовались моей глупостью). Сейчас можно было признаться (и такого признания мне всегда недоставало), что я большей частью боялся каких-то мнений о себе. И все только потому, что эти мнения будут отрицательными! Вот ведь как! Неужели я настолько был в себе неуверен, что просто опасался, что кто-то скажет мне о том. ...А ведь сейчас я изменился. Сейчас я настолько почувствовал какую-то внутреннюю силу, что вдруг стало совсем безразлично услышать какое-то мнение о себе. Более того. Теперь мне просто необходимо было услышать какое-то именно отрицательное мнение - чтобы обрушить на «обидчика» всю накопившуюся злобу. Теперь я жаждал крови. Жаждал отмщенья. И иной раз доходило до того, что я сам искал «будущего» обидчика. Чтобы тотчас же разобраться с ним.

И не было такому человеку прощения. Потому как я за все годы вынужденного бездействия накопил в себе поистине непотопляемый арсенал всевозможных словесных уловок. И теперь мог апеллировать к совершенно сверхъестественным вещам. И все теперь было за меня. И все я теперь мог обрушить на невольного чудака, судьба которого неожиданно оказывалась в моих руках. Нет. Я, именно я был человек,- которого боялись. Которого вынуждены были бояться. Потому что все эти годы лишений и внутренних беспокойств настолько закалили меня, что теперь я без малейшего

намек на страх вторгался в эмоциональное пространство любого непонравившегося мне человека. И бил его - по самому незащищенному, что было у такого человека.

Будучи когда-то зависим от мнения окружающих (и так страдающего от вмешательства их), я с легкостью находил в ком-то то, что было у такого человека особенно незащищено. Что было очень болезненно для него. И что (я знал это) - способно было надолго выбить такого человека из колеи. И я бил именно сюда. Безошибочно угадывая слабое место. И действительно всегда добивался эффекта. Эффект был ошеломляющий.

Я понял, что просто не надо бояться ошибаться. Ведь именно страх этой ошибки мешал раньше. Не позволял жить полной жизнью. Не позволял вздохнуть полной грудью. Не позволял стать тем человеком, которым я все равно стал. Но вот разве не жаль времени, упущенного времени.

И тотчас, как только понял я это - так сразу же и изменился. Стал совсем, совершенно, стал совершенно другим. И ничто не могло теперь меня поколебать. Поколебать уверенность в том, что так и надо жить. Продолжать жить. Ведь жизнь – продолжалась. И, кстати, видимо этот страх не позволял мне действительно многого. Нет, конечно, я как-то научился его обходить. Но обходил я большей частью именно свою способность оставаться собой. И в этом помогли мне как раз мои способности (способности, конечно же, способности) понимать других. Люди ко мне проникались каким-то доверием. Можно сказать, что я этим пользовался. Я просто понимал, что им всегда нужно дать именно то, что они больше всего желали. Природа человеческой психики такова, что большая часть значительно легче и охотнее верит в какую-то зачастую собой же выдуманную иллюзию, чем реальность. И мне оставалось только способствовать тому, чтобы именно со мной они эту иллюзию видели. То есть, чтобы какую-то иллюзию они подсознательно ассоциировали со мной. С моим образом. Все должно быть неосознанно. В ином случае, кто-то мог и воспротивиться. Ведь мало кто способен осознанно признать какое-либо манипулирование их личностью. Но если это было трудно признать в реальности, то можно закрыть глаза, если это происходило как бы само собой. Без их осознанного соглашения с этим. А бессознательное - оно на то и бессознательное, чтобы если что, можно было и не признать это. И при случае всегда отказаться. Сделать вид - что ничего и не заметили.

Что мне оставалось делать дальше? Жить. Мне оставалось по-прежнему жить. Только моя жизнь - уже как вроде бы только мне и не предназначалась. Она вбирала в себя то, что не успели прожить другие. Что не успел прожить я. И так получалось, что я теперь жил за всех. А значит и ответственность перед жизнью теперь была совсем иной. И теперь я не мог позволить того, что позволял раньше. И, по сути, уже не был собой. Но скорее наоборот. Я не был собой -- прежним. Я

стал другим. Я изменился. Я почти кардинально изменился. А сама смерть теперь мне стала безразлична. Ведь смерть лишь переведет меня в другое измерение. В то, где другие люди. Не более.

Но вот я как никто другой понимал, что жизнь ускользает. Нет, жизнь, конечно же, была все та же. И никто не замечал что проходят какие-то дни. А тем что мы с грустью расстаемся с минутами. Мало кто замечает эти минуты. Почти не замечает.

И все время передо мной было это почти. Оно маячило, затуманивая и без того не здоровое сознание. Оно служило тому, что все чаще из его бессознательного выдвигалось что-то - что приносило предчувствие чего-то нехорошего. Но это еще не было предчувствие опасности. Вряд ли кто мог уловить в полной мере ее. Но вот в том то и дело, что было почти что наверняка, я угадывал как что-то начинает проходить совсем как будто бы без моего ведома. И мне не удается уследить: что же на самом деле происходит.

Но я жил. Я продолжал жить обычной жизнью. Это была жизнь затворника. Это было как-то по-особенному верно, даже несмотря на то, что меня часто окружали люди. От большинства из них я стремился избавиться. Зачастую это удавалось. Но люди каким-то подсознательным образом угадывали необыкновенную энергетику исходившую от меня. И тянулись; и всячески тянулись ко мне. Это могли быть обычные встречи. У кого-то из них (противоположный пол) могла быть какая-то надежда на совместное проживание. Но в итоге я каким-то удивительным образом обходил «желания» других. И в итоге все оставалось так прежде.

Но так было не всегда. Порой мне приходилось видеть намного больше, чем другой человек. И я все время испытывал двойное (как минимум - двойное) напряжение. Но ничего не менял. Или почти не менял. Я не любил людей. Я никогда не любил людей. Но они были мне необходимы.

.....

На каком-то этапе жизненного пути я понял, что жизнь проходит почти просто так. А я должен был сделать что-то, что останется после меня. Достанется другим поколениям. Я «видел» многое из того, что у других просто не было никакого желания замечать. Детали, которым я уделял почти такое же значение, словно это было чем-то главным и основополагающим - трансформировались в моем сознании во что-то несравненно важное, и располагались по своим местам в памяти. Каждому из них присваивался свой порядковый номер. Память у меня была хорошая. Я мог запомнить только что прочитанную книгу. Почти вплоть до расположения абзацев и запятых в ней. Но и то, что читал даже много лет назад - могло неожиданным образом с точностью предстать передо мной. Я наслаждался своей памятью. Я боялся ее. Я любил ее так, как никогда никто не любил никого. И я бережно - очень бережно - относился к ней.

Я всегда много читал. Если ничего не отвлекало - книгу среднего объема прочитывал за день. Я почти пролистывал ее. Но страницы навсегда сохранялись в памяти. И ничто не могло эту память потревожить. Я помнил все, что когда-нибудь со мной происходило. Я помнил события своей жизни начиная с того момента, когда лежал еще в колыбели. Я помнил даже то, что говорили взрослые, которые склонялись над колыбелью малыша. Я помнил даже то, что они говорили друг другу. И мне казалось (и есть все основания предполагать, что это и было так), что помнил даже то, что они (взрослые) на тот момент думали. Кто-то говорил что я был исключительным человеком. Но сам я предпочитал об этом не думать. Хотя и думать о чем-то постороннем просто не мог себе позволить. Я должен был успеть. Успеть закончить то, что начал.

.....

Путь переосмысления, путь прочувствования жизненной ситуации,-- я считал, что это правильный путь. И несмотря на то, что не все общество фактически было готово к подобному внутреннему копанию, я продолжал самосовершенствоваться таким образом. Прежде всего литература. Литературу для чтения я делил на два уровня: художественная и научная. По сути, я сам себя загонял в угол, при этом понимая, что это так. И даже не просто понимал, а отдавал себе полный отчет своих действиях, фактически подводя себя к смерти. Но мне еще предстояло сделать многое. И тогда уже все перед нами – лишь бутафорский миг. Сродни, опять же, все той же пустоте. И принимая ее – никто и не требует платы. А ведь никакая плата и не нужна вовсе. Теряется вообще понимание, оценка ситуации. И как-то быстро, поддавшись вроде бы и сам не зная чему, принимаешь новые правила игры. Погружаясь в эту самую игру. И как вроде бы уже и не желая ничего. Но действительно ли принимая?

Я не хотел говорить чего-то плохого. Сейчас словно остановилось время. И даже некогда,- а то и доселе,- присутствующее ожидание чего-то, что почти непременно должно было произойти – разом даже не исчезло. А перестало различаться. Или это только я перестал справляться с отличием. Отличием отчего-то иного. То же, в принципе, весьма и до невероятности неразличимого мной. Но стремился ли я изменить данную ситуацию? Разумеется. Но отчего-то замечаю, что искал достаточно легкие пути. Или же наоборот – до нереальности сложные. Причем, думается, даже боясь задаться целью: зачем? Но воспринимал как перст судьбы происходящее.

Глава 2

Я часто думаю: почему от изначальности, в принципе, запрограммированной на успех жизни, вынужден по сей день преодолевать определенные трудности. Стремясь достичь вновь того же, что

было, казалось, дано изначально. Судьба с каким-то незавидным стремлением бежит по кругу, представляя, пожалуй, единственную геометрическую фигуру, проявляющую завидную предначертанность в жизни. В моей жизни. А ведь так иной раз хочется выбраться, вырваться за пределы предначертанного существования. Достичь чего-то иного.

Но вновь и вновь я вынужден задавать извечный философский вопрос: почему? Если брать во внимание успех, а тем более извечную и уже обозначенную ранее предначертанность – то почти непременно мое сознание натывается на некую расплывчатость понятий. Сути – понятий. И за цепочкой почти невидимых размышлений – вероятно как раз и скрывается призрачное ощущение гармонии. Я без сомнений уверен, что все зависит от нашего собственного восприятия. Можно видимо иметь в виду одно – но говорить совсем о другом. Но, вероятно, даже говоря о другом – мы уже так или иначе натываемся в своем восприятии на истину. Истину – завуалированную действительностью. Истину – так или иначе скрываемую. Истину, быть может совсем и не предрасположенную к пониманию. К нашему пониманию действительности. А что за ней? Все та же – пустота.

Но я сдаваться не привык. Правда, среда, в которой я воспитывался, наложили свой отпечаток. Я изменился. Но на самом деле, было это лишь только внешняя оболочка. Наносное. А на самом деле... в душе... я оставался совсем даже другим. Но таким – о каком и себе даже не могу признаться. Можно даже сказать, что по первости, я еще чурался того, что сидело внутри. Хотел я спрятать это глубоко. Быть может даже попытаться забыть. Ну, или точнее, изжить то в себе. И лишь только повзрослев: понял как оно должно быть. И с совсем недавних пор даже наоборот – стремился не только удержать имеющиеся качества, но и всячески развивать их. Лелеять. Подкармливать, иногда, разрешаемыми самому себе пороками. И что может кому покажется удивительным – я нисколько не корил себя, что стал вдруг таким. Нет, нет, и нет. Совсем даже нет. Наоборот. Считаю я это достижением. Собственным просветлением. Потому как, - (и это знал уж только я), - было все подобное залогом выживания. Сохранения своего «Я». И задачи теперь решались значительно свободней. И проблемы как-то незаметно перестали возникать. И я совсем не пытался себе объяснить – в чем суть перемен. Но уже было это – значительным моим достижением.

Как в свое время вывел Фрейд – психика современного человека отличается от психики первобытного – цивилизацией, культурной средой, влиявшей на первого. Больше они ничем не отличаются. Просто современный цивилизованный человек научился скрывать свои эмоции. А первобытный – нет. (Да и зачем это было ему?) Но тогда уже, наряду с достижениями цивилизации, современный человек должен был понести и, своего рода, кару. Расплату – за блага. И подобным наказанием было развитие болезней. Психотических (нервных), психопатологических, психосоматических. То есть тех – зоной поражения которых оказалась психика. Она приняла на

себя первый удар. Она повлекла за собой развитие заболеваний души (и тела в том числе). То есть цивилизаций расставила своего рода ловушки. И что было действительно тревожно – попадали в эти ловушки люди сплошь грамотные да интеллигентные. А хамам да негодьям – как-то удавалось обходить стороной. Подметив это, я вывел для себя достаточно простой закон: желая исцелиться – надо на время становиться хамом. Мерзавцем. Поддонком. Вполне достаточно, если это будет только в душе. То есть, если удастся отыграть подобное состояние. Мысленно. Искусственно. Ведь совсем не обязательно становиться таким же. В жизни. В действительности. И я начал потихоньку становиться таким. На время. Быть может даже – на совсем короткое время. Почти что миг. И как-то я так приспособился – что хватало и его.

И при этом я как-то незаметно сопротивлялся этому. Порой становилось до прогорклости обидно: и тогда стремился убежать я. Но куда?! Можно разве было скрыться от самого себя? Или стоило принять, вместить, вобрать в себя то единственное, что быть может еще позволяло мне как-то выживать? Но уже вскоре – исчезло все это. Становилось по-настоящему больно. А боль-то... боль была какая-то... неосознанная... Быть может – не различимая даже.. И тогда хотелось попросту забыться. Но так было не всегда. В какие-то хаотично пересекающиеся периоды жизни я подозревал, что все мои свершения почти бесполезны, по сути. Это были устремления к чему-то несуществующему. Нереальному. Быть может даже – иррациональному. И тогда вслед уходящему мигу – стремился я насладиться своим затуманенным сознанием. Так и не реализовавшимся сознанием. И где-то вслед этому еще теплилось у меня желание разрешить загадку «сфинкса». Хотя «сфинксом» тем – был я сам.

.....

Я понимал, что загнал сам себя. И у меня уже не было пути назад. Но и вперед дороги тоже не было. Все, что происходило со мной в жизни, особенно в последние годы, стало вдруг страшной картиной откровений. Если бы решил написать книгу, наверное бы назвал рукопись «Откровение, или итог жизни». Итог, потому что понимал, что такие как я если и должны жить – то лишь в назидание тем, другим, которые никогда не пройдут такой как у меня насыщенный путь жизни. И у которых видимо не будет такой страшный конец этой самой жизни как будет видимо у меня, если ситуация не изменится. Если не изменюсь, конечно, в первую очередь я. Но как измениться, если сама жизнь словно толкает на совершение тех поступков, которые после складываются в судьбу. Помните слова апостола Павла: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». (Рим.7:19). Всю жизнь подобное происходит со мной. И также как апостол Павел хочется вскричать: «Бедный я человек!». (Рим.7:24).

Наверное, если бы я стал записывать свои мысли, назвал бы их исповедью. Исповедь, пожалуй, все же больше подходит. Тем более что исповедь – это ведь и всегда откровения. А иначе зачем исповедоваться, если говорить не правду? Хотя может правильнее было назвать не исповедь. Вернее, если и исповедь, то не в том понимании, как ожидает большинство. Ибо не будет тут повествования о каких-то историях, а просто откровение. Ну или даже не то чтобы откровение, а что-то может только наподобие того. Вот видимо сейчас правильно нащупал то, о чем собираюсь писать. Хотя, как известно, начать можно с одной идеи, сиюминутно пришедшей в голову (именно это заставляет сочинять большинство из нас), а далее могут происходить совсем даже иные события. Как в поговорке: начали за здравие, закончили за упокой. Но уж постараюсь выдержать единый ритм повествования с начала до конца. И донести до вас именно то, о чем хотел рассказать.

Жизнь человека представляет собой огромнейшую загадку. Так повелось, что с детства нас окружают расхожие фразы, но вроде как и запоминая их, окончательное смысловое значение приходит к нам много позже. Это видимо одна из очередных усмешек судьбы. Усмешек, потому что только сейчас я понял, что судьба волей-неволей смеется над нами. А иной раз кажется, что она этого не замечает и сама. Жизнь сама выбрала такой распорядок, чтобы закалить меня таким образом, чтобы я уже не мог иначе. Чтобы врал, обманывал, изворачивался и искренне верил во все это сам. И потому получалось убедительно. Не знаю. Я многого не знаю. Не знаю не потому, что не хочу узнать, нет. Мне наоборот, все время хотелось что-то узнать, а тем более разгадать тайну самого себя. Но ведь так плохо. Такое состояние, когда ты понимаешь, что само по себе продолжение жизни бессмысленно, потому что ты запутался в ней настолько, что новые события лишь еще дальше уведут тебя куда-то в сторону. Туда, откуда уже нет возврата к прошлому, и где это страшное будущее, в котором ты совершаешь еще больше ошибок. И ведь на самом деле не понимаешь ты что может быть еще дальше. Будет ли где просвет, и самое интересное, насколько долго он продлится. После чего ты снова погрузишься в пучину ада.

Так совсем не было раньше. Раньше мне казалось, что передо мной открываются различные перспективы. Словно было возможно выбрать любые направления пути. Но вот когда-то случилось так, что я не усмотрел, когда разойдутся эти пути. И быть может выбери я что-то другое, и было бы сейчас передо мной нечто совсем другое. Но я выбрал то что есть. То, от чего теперь не хотелось жить. И я бы на самом деле очень хотел, чтобы все действительно закончилось. Настолько внезапно, что шанса выбраться обратно уже бы не было. Мне отчего-то казалось, что я действительно должен выговориться перед кем-то. Притом что как будто не было рядом того, кому действительно мог бы я доверить то свое сокровенное, что уже в течении многих лет накапливалось во мне. Я не мог сказать, действительно ли это все было необходимо. Но знал, что это будет так после того, когда я сумею все закончить уже как бы окончательно.

.....

Я любил, когда у меня все шло по плану. С детства я привык планировать каждое свое действие. Весьма любил многоходовые комбинации. Когда заранее просчитывал множество ходов. Хотя несколько и забывая те, а потому иной раз про себя удивляясь, когда обнаруживал что думал об этом когда-то, но сейчас это словно пришло в первый раз.

Первого раза у меня не было уже давно. Можно даже предположить, что как раз со своей обстоятельностью я весьма запутывал себя. Хотя и становилось понятно, что это, в первую очередь, необходимо мне самому. Ну, или - самому мне. Я иногда и слова и поступки переставлял местами. Словно бы не только наблюдая, но и изучая, что произойдет в этом случае.

Чаще всего ничего не происходило. Особенно учитывая то, что я как-то подозрительно намеренно находил компромиссы с самим собой. Со временем все больше обращая судьбу в нужном для себя направлении. И это, наверное, еще было бы полбеды в сравнении с той формой безрассудства, на которую меня иной раз толкала природа. Хотя сейчас об этом уже можно было не говорить. Прошло время, я заметно изменился, и поэтому становилось понятно, что передо мной приоткрывают горизонты свои тайны. С условием, конечно, что я эти тайны разгадывал. Почти всегда разгадывал. А если не получалось - сознательно запутывал себя. Пока в мозг не поступала информация, что с заданием я справился. Что теперь можно не волноваться. Что все и далее будет происходить так, как надо. Как необходимо.

.....

Я мог признаться, что в последнее время много раз готов был пересматривать свою жизнь заново. Вернее - начать предпринимать подобные попытки. Притом что фактически, мало что у меня на самом деле получалось. И прежде всего, конечно же, от того, что как-то серьезно к подобному вопросу я не подходил. Понимая, должно быть, что при случае всегда могу это сделать. Ну а сейчас, значит, пока оттягивал момент. И в тоже время заранее о чем-то конкретно невозможно было догадаться заранее. Потому как, это только с одной стороны можно было взглянуть соответствующим образом, поверив, что все так и есть на самом деле. А с другой стороны - оказывалось, что все и вовсе безобразно полное. И какого-то подхода если и требовало, то скорее стоило заметить, что не нужно было вообще подходить к подобному вопросу. Потому как уходила правда куда-то в сторону. А догонять ее, иной раз, и смысла и времени не было.

И получается, я сам себя программировал. Что такое психологическое программирование. В нашем подсознании откладывается все, что было нами когда-то увидено или услышано. Через время такая информация начинает оказывать влияние на мысли и поступки человека, влиять на его

желания и на поведение в целом. Причем совсем не важно, запомнил человек содержание полученной ранее информации или нет. Правило едино для всех: любая информация, которую конкретный человек мог увидеть, услышать, почувствовать, т.е. если она проходила с задействованием его органов зрения, слуха, обоняния, осязания, воображения и так далее — практически в неизменном виде откладывается в подсознании. И вот что происходит далее? А далее, эта информация как смешивается с уже имеющейся в подсознании информацией, так и обогащается новой (ибо мозг человека все время в процессе жизни получает информацию), и в зависимости от ряда причин — или просто до времени хранится в памяти, превращаясь со временем в архетипы бессознательного психики или доформируя эти самые архетипы и усиливая часть имеющейся информации, а если к тому же оказывается подкреплена доминантой (очаговым возбуждением в коре головного мозга), то формирует психологические установки или устойчивые образования (паттерны поведения), которые фактически и определяют последующее поведение человека. Ну или же просто такая информация хранится в памяти (подсознании) до поры до времени, чтобы всплыть, когда появится соответствующее подкрепление со стороны мозга, который начнет испытывать воздействие от того или иного раздражителя. Раздражитель – это новая информация. Знаете, когда вы на фоне незнакомых предметов видите знакомый – вам становится немного теплее «на душе». Узнали ведь. Так и здесь, если на фоне получения новой, незнакомой вам информации, получаете и частичку знакомой, становится приятнее. Причем времени может пройти год, а может и вся жизнь. Ибо информация хранится в бессознательном бессрочно. Другими словами, существует личное и коллективное бессознательное. Бессознательное – это подсознание. Личное бессознательное - это жизненный опыт, знания, образование и т.п. конкретного человека. Коллективное бессознательное — это опыт предков, опыт всего человечества, полученный конкретным человеком филогенетическим путем.

С рождения мозг человека содержит огромнейшую информацию. В процессе социализации, постижения знания, методик, направленных на внутренний рост и прочее, удается извлечь из подсознания в сознание какую-то малую часть этого опыта человечества, хранившегося в мозге. На информацию, поступающую из внешнего мира, оказывает влияние как сам человек, так и среда обитания, которая формирует направленность его мыслей в направлении определенных знаний. Наше подсознание — это багаж знаний, накопленный человеком в процессе жизни. Причем, как я уже говорил, информация личного бессознательного постоянно пополняется в течении жизни. Информация, поступающая из окружающего мира, со временем будет переработана с задействованием глубинных слоев бессознательного, а также находящихся в бессознательном архетипов и паттернов поведения, и далее эта информация перейдет в сознание в виде возникновения у человека определенных мыслей и как результат — совершения соответствующих

поступков. Именно в бессознательном психики сосредоточены желания, инициативная составляющая поступков, да и вообще все, что позже переходит в сознание, т.е. становится осознанным тем или иным человеком. Таким образом, если говорить о психопрограммировании, следует заметить, что это становится возможным посредством определенной провокации архетипических пластов бессознательного психики. Например следует наполнить таким смысловым значением информацию, поступающую в мозг, чтобы путем задействования того или иного архетипа вызвать в психике человека соответствующие реакции, а значит и сподвигнуть последнего к выполнению тех установок, которые закладываются манипулятором психики в подсознание жертвы. Ибо, как уже件件но, архетипы присутствуют не только в коллективном, но и в личном бессознательном. В этом случае архетипы состоят из остатков информации, которая когда-то попала в психику человека, но не была вытеснена в сознание или в глубины памяти, а осталась в личном бессознательном будучи обогащенной ранее полусформированными доминантами, полу-установками, и полу-паттернами; т.е. в свое время такая информация не явилась созданием полноценных доминант, установок или паттернов, но как бы наметила их формирование; поэтому при поступлении в последующем информации схожего содержания (т.е. информации со схожей кодировкой, или иными словами, схожими импульсами от афферентных связей, т.е. связей между нейронами мозга), ранее полусформированные доминанты, установки и паттерны доформируются, в результате чего в мозге появляется полноценная доминанта, а в подсознании появляются полноценные установки, переходящие в паттерны поведения; доминанта в коре головного мозга, вызванная очаговым возбуждением служит причиной надежного закрепления психологических установок в подсознании, а значит и появление соответствующих мыслей у индивида, переходящих в последующем в поступки вследствие предварительного перехода установок в подсознании в паттерны поведения в бессознательном. А рассматривая вопрос формирования нового паттерна поведения, необходимо говорить о том, что подобное становится возможным благодаря тому, что любая информация, которая находится в зоне восприятия индивида (информация, которая улавливается его визуальной, аудиальной, кинестетической репрезентативными системами, а также сигнальными системами психики) откладывается в подсознании, а значит при психопрограммировании необходимо учитывать сформированность в бессознательном психики установок, жизненного опыта данного человека, уровня его образования, воспитания, интеллекта и прочих индивидуальных особенностей. Информация, которая попадает в подсознание, вступает в корреляцию с уже имеющейся в психике информацией, т.е. она вступает в ассоциативные контакты с информацией, накопленной архетипами личного и коллективного бессознательного, и обогащаясь информацией от них — значительно усиливается, формирует новые или доформирует, усиливая, уже существовавшие паттерны поведения, и по прошествии

определенного времени (индивидуального в случае каждого человека) начинает оказывать влияние на сознание, потому что при появлении какой-то новой информации, психика начинает ее бессознательно оценивать с позиции ранее накопленной информации в бессознательном (личном и коллективном), т.е. информации, как приобретенной в процессе жизнедеятельности данного индивида, так и перешедшей к бессознательному с помощью генетических и филогенетических схем. Вот что такое психопрограммирование.

.....

Вот подумал, что моя «раздвоенность» сознания оказывала на меня слишком удручающее действие. Я как бы должен был подчиняться законам жизни. Причем законы эти не были похожи на те, которым подчинялось большинство. Эти законы теперь были написаны словно для меня.

Когда я стал ощущать это? Наверное, началось еще с детства. Наверняка так. Просто в детстве мы еще не знаем: «как нужно». Если что-то нам и кажется странным в своем мироощущении, то мы вполне еще списываем это на то, что на самом деле ведь и не знаем: «как оно должно быть». И находимся какое-то время в этом неведении. Кому-то со временем удается «перебарывать» в себе это состояние. Это настоящие «счастливицы». Потому что такие люди возвращаются к обычной жизни. Об остальных же такого сказать нельзя. И они мучаются проблемами внутри себя. Мучаются до тех пор, пока другие не замечают то, что выбивается из рамок привычной «нормы», и тогда приходят на помощь те, которые на самом деле и не помогают ничем, а только еще больше уничтожают психику, блокируя мысли да желания. И после этого человек уже и не может быть «личностью». Эти псевдо-помощники предпринимают все, чтобы убить в человеке любую самостоятельность, любое стремление к свободному выражению мыслей, любые мысли. Оставляя уж совсем самые простые желания, как-то поесть да поспать. Чтобы не дай бог что-то сделать «не так как надо», чтобы убить в несчастном человеке ростки внутренней свободы. И это по-настоящему страшно. Хорошо еще если какой несчастный действительно «сошел с ума». Тогда уже действительно, только медикаментозным вмешательством можно заглушить его «психопатологию». Ну а если врачи просто ошиблись? Если человек находится в «пограничном состоянии»? Когда уже нет «нормы», но также и нет «патологии». Что же тогда? Как будто и «спасительные» лекарства в этом случае только уничтожат такого человека. Не дай бог попасть на крючок врачам-психиатрам. Врачам-убийцам. Потому что любой психиатр – это потенциальный убийца. Ни о каком лечении и речи быть не может. Есть только уничтожение личности. И все. Мне всегда раньше казалось, что людей с явным отклонением от нормы «нужно лечить». Но потом я понял, что находился под влиянием устоявшихся стереотипов. И на самом деле никакого «лечения» не происходит. Есть уничтожение нервной системы. Есть купирование проявления симптоматики

психо-заболеваний. Но ведь это не лечение. Просто центральная нервная система такого «пациента» испытывает на себе воздействие всевозможных препаратов, заглушающих всевозможные проявления собственных желаний. Человек как бы становится бессловесным роботом. Он теперь подчиняется воле врачей. Он теперь совсем не свободен. И любого человека можно таким вот образом привести в состояние полнейшей беспомощности. Можно вколоть ему, например, «галапередол», и он будет у вас корчиться в страшнейших муках и судорогах. Можно вколоть ему «аминазин», и ЦНС его заблокируется; его мышцы будут скованы. Мозг лишится абсолютно любых мыслей. И разве это не издевательство над человеком? И самое главное – то и пожаловаться то нельзя. Над человеком висит штамп «душевнобольной». А значит все его слова – уже изначально истолковываются как бред, как вранье, как ложь, которую совсем никто не будет слушать. И такая ситуация в нашей стране. Так уничтожают в нашей стране людей. Так было в советские годы, и так же осталось в наши дни, во времена «демократии», демократии, которая до сих пор еще стоит на всем том, что было разработано «во времена коммунистов», во времена тоталитарного режима.

Может показаться, что я вот стремился тут исповедоваться. Ну а почему бы и нет? Насколько это могло бы противоречить действительности? Да почти и не насколько. Потому что уже выходило так, что в стремлении «открыть душу», следует искать причину нравственного очищения. Ведь тем самым мы как бы стремимся искупить собственные грехи. Грехи в течение жизни совершаемые нами. И нечто подобное получалось у меня. Но вообще если разобраться, я то, как раз, как никто иной стремился найти истину. Ту истину, к которой стремится каждый, но не каждый может похвалиться, что он ее находит. Ведь иной раз кажется, что вы уже и находитесь совсем рядом. А потом она от вас уплывает. Причем иногда это становится так неожиданно от вас, что вы лишь недоуменно смотрите ей вслед, как бы, и не зная, что вам необходимо предпринять сейчас в этой ситуации. Потому что ведь вы сами чувствовали, что искомое было рядом. Но оно исчезло. Исчезло настолько, что вам уже кажется, что больше и не дано будет достигнуть ее. А потом все неожиданно повторяется. И вы начинаете все сначала. И уже перед вами как будто бы образуется некий островок, на котором вы можете наконец-то быть «самим собой». Но потом (совсем неожиданно) исчезает и это. И вы остаетесь с совсем необъяснимым ощущением внутреннего беспокойства. В таком вот «беспокойстве» пребывал и я. И с каждым разом, когда мне казалось что я настигаю то, что было запланировано ранее, это все вновь удаляется от меня. И мне приходится начинать все сначала.

Так и проходит моя жизнь. В вечном круговращении. И как будто ничто не может указать на то, что когда-нибудь мне удастся остановиться. Потому что даже если начинает казаться мне что, пожалуй, можно и «остановиться», - появляется какая-то «новая цель». И все начинается сначала. И

происходит это всегда. Настолько, что я уже привык к подобному положению вещей. И мне уже кажется, что как раз это и есть «моя жизнь». Потому что вероятно эта самая жизнь у каждого бывает своя. А у меня вот такая. И чего-нибудь изменить в ней у меня совсем не получается. И я уже начинаю убеждать себя, что, мол, и изменять ничего не надо. Потому что в действительности это и есть моя жизнь. Жизнь со всеми ее плюсами и минусами. И что с того, что этих минусов иной раз кажется несравненно больше чем плюсов. Ничего здесь как будто и не поделаешь. И остается только «смириться». И убедить себя, что необходимо смириться. А по сути, что мне еще остается?..

.....

Я сам не понимал, что со мной происходит. Вернее, я понимал. Я более чем ясно понимал сейчас, что все проблемы, происходящие со мной, происходят исключительно по причине состояния моей души. Состояния, при котором я просто физически не в силах был разрешить давно уже наметившееся в душе противоречия. И вырваться. Постараться вырваться из плена окутывавшего безумия. Того безумия, с которым все с большим трудом приходилось совладать. Безумие было тем, с чем невозможно было смириться. Но пока приходилось считаться. И я очень верил что пока. Что все же наступит миг, когда я смогу разом прекратить собственные внутренние страдания, а на поверхность бытия выйдет счастье.

Оно выйдет как солнышко, и осветит все вокруг. Солнышко-счастье не даст затуманить надежды. Солнышко-счастье избавит и страданий и внутренних тревог. Избавит от треволнений. Все лишнее, что, как я замечал, было мне не нужно - отступит в сторону, или совсем исчезнет. И на земле воцарится покой и счастье. Исчезнут плохие и злые люди. Миром станет править доброта. Правда для этого необходимо было изменить природу человека. Человека, имеющего слишком деструктивные позывы в психике, чтобы навсегда отказаться от зла. Ведь зло это интерпретация проигравшего. А победителю хороши любые средства. Которые он использует ради победы. Ради своей собственной победы. К которой стремиться, независимо от мнения окружающих. Да и уверенный в себе человек не должен обращать внимание на это мнение. Человек должен делать в первую очередь то, что велит ему его мозг. Именно мозг, а потом уже совесть и прочее. Я помнил эти слова, которые услышал от одного профессора, с которым как-то случайно ехал в одном купе поезда. Тогда я выслушал профессора из вежливости, а теперь вдруг его слова всплыли из подсознания, стали осознанными, и привели к тому, что я вдруг явно убедился в правоте профессора. Я убедился, что профессор не только прав, но и не сказал мне и половины того, что мог бы. Разговоры в поезде всегда носят эпизодический характер. Начало и окончание разговоров ни от кого не зависит. У собеседников нет друг к другу обязательств. Эти беседы можно сравнить с

перепиской в виртуальной реальности. Когда вы можете ответить собеседнику тут же и сразу, а можете ответить позже. Никто на это не обидится. Сами собой формируются правила интернет-общения. И архетипически вытекают такие правила из практики общения со случайными попутчиками, когда можно поддержать разговор, а можно сослаться на любую причину и разговор перенести или завершить окончательно. Никто не обидится. Глупо обижаться. Так заведено...

.....

Странное наступало время. Я иногда замечал, что качусь вниз. Быть может даже срываясь в пропасть. В пропасть, из которой может так случиться, не будет возможности выбраться. И это было печально. Самое, быть может, ужасное, что могло произойти с человеком, до этого жившим спокойной, размеренной, даже может быть - слишком спокойной да размеренной жизнью. И теперь... Теперь все оказывалось, что не так. Что на самом деле он жил иллюзорной жизнью. Жизнью ожидания каких-то необычных свершений. Которых, оказывалось, не могло произойти. И все что мне оставалось - ждать, что произойдет дальше. Когда душевная болезнь или отступит или пустится в новый виток спирали. А сам я буду с новой силой падать в небытие. Откуда уже не будет ни выхода, ни спасения. И все что остается, это может и действительно только ждать. Ждать, что когда-нибудь произойдет что-то положительное и важное. Что вытеснит печаль и тревогу. И не будут возникать эти ужасные сомнения. Сомнения в неизбежности какого-то ужасного конца. И все, по сути, станет хорошо, положительно и правильно. И мир изменится к лучшему. Вернее, не сам мир, а восприятие мира. И я искренне желал, чтобы это произошло. И верил, что так и будет. Верил, что произойдет обязательно.

Но вот все чаще ко мне стало приходиться ощущение какого-то непонятного завершения жизни. Понятно, что этого просто не могло произойти. Но вот незадача, подобное было. Я даже, могу признаться, постепенно смирился с таким ощущением. Да и что оно,-- рассуждал я,-- не более чем иллюзия всего происходящего. А если так, стоило ли переживать?

Я удивлялся как много и как на самом деле мало я сделал. С одной стороны было величие незавершенных дел, с другой – утопия этих же дел, которые, мне казалось, уже никогда не удастся завершить. И казалось мне, что делал я большую ошибку. А после того как казалось это, становилось мне по настоящему грустно и обидно. Ибо, что такое жизнь? Всякий человек в той или иной мере пытается в ней что-то сделать, чего-то достичь, да как мерить нам потомкам, достижения эти? Не существует единой градации, шкалы весов. А все что есть, изобилуют людскими ошибками, ибо прав Господь, человек ошибается. Слишком часто ошибается. Пусть он и кается в грехах, но ведь как не вернуть убиенных смертных апостолом Павлом (до его прихода к Богу), так и

невозможно залить рану души теми поисками очищения, какие предпринимает каждый из нас в течении жизни. Или вернее сказать, на каком-то этапе собственной жизни. Чтобы после может и забыть, чтобы после уже и не заниматься этим, а идти вперед, как идет вперед и вся цивилизация. Но то, что впереди пустота, об этом не все знают. И я не знал, когда искал свое счастье. Когда пытался его искать. Когда вроде как что-то и находил, но каждый раз убеждался что это «что-то» есть очередная ошибка, и надо искать заново. Я и искал. К чему приводили мои поиски, отчасти рассказал я в этой книге, а в основной своей массе ведь и не вспомнишь. Что было? Эх, а что было? Как нам, людям, относиться к тем страданиям, которыми наградила нас судьба. Были ли это действительно страдания, или может, какое испытание господне? Действительно загадка. Загадка мира, загадка мироздания, загадка всего того, что существует рядом с нами, и удаляется от нас, оставляя нас в неведении относительно того что же все-таки произошло.

.....

Порой мне кажется, что мир очень коварен. Он даже может быть коварен настолько, насколько не может представить каждый из нас в полной мере. Да и что такое мир, когда никто из нас толком и не знает его. Сотни философов что-то писали, каждый или отрицая или дополняя другого, но никто так и не пришел к единой истине, ибо как известно, сколько людей столько и мнений. Но что такое тогда я?— задавался я вопросом, и мне очень хотелось найти ответ, ибо не хотелось ждать слишком долго, а особенно всю жизнь. Конечно же, всю жизнь ждать не придется. Это я уже понимало сам, об этом догадывался в течении жизни, да и это уже как бы само собой предполагалось. Поэтому все, что оставалось мне, это настроиться на нечто такое непонятно-необъяснимое, чтобы, наверное, просто жить. А иначе, зачем это все?

Несмотря на как будто бы кажущееся понимание, я тем не менее оставался в полном неведении относительно того как сложится моя жизнь дальше. С одной стороны меня манили какие-то неведомые дали, но с другой стороны я понимал что они, по сути, ничего в себе не несут, и по большому счету их может быть и вовсе не существует. Окружающая действительность порой и действительно мне казалась настолько запутанной и непонятной, что не проходило и часа, чтобы я не оглядывался, пытаюсь соотнести то, что увидел - с тем, какой мир был в моем представлении. И при этом я самым ужаснейшим образом страдал, ибо словно бы оказался в каком-то удивительном капкане из собственных желаний, разбивающихся о стену отсутствия возможностей. И это поистине тяжело и непонятно. Ведь что сделал бы кто-то другой в моей ситуации? Да и возможно что ничего, толком ничего, ибо запутался бы он, замер в неведении, да быть может и упал бы

пропасть отчаяния. А я жил. Я продолжал жить, несмотря на то, что давно уже мог признаться и самому себе в полной путанице относительно всего, что происходило со мной. И это было ужасно.

А вообще-то я всегда стремился нарушить устанавливаемые моральные правила. И предпочитая жить по своим правилам, совсем не шел на поводу у тех, кто принимает жизнь такой, как она была, нисколько не стремясь изменить ее. Подвести под себя. И это была ошибка таких людей. Я понял, что люди выдумывают глупые и нелепые правила, которым стараются во что бы то ни стало соответствовать. А если не всегда удавалось -- или замаливают грехи в церкви, или мучаются чувством вины и прочей симптоматикой нервных заболеваний. Что до меня, то я решил идти своим путем. Да и, как подозревал, не только я. А потому именно в те юные годы у меня уже стала вырисовываться та двойственность, свойственная, если вспомнить Фрейда, природе человека. Знаете, мне ведь потребовалось прожить определенную часть жизни, пройти в ней путь, наверняка не свойственный большинству, прежде чем я понял простую истину: ни в коем случае нельзя себя винить за какие-то твои собственные поступки. Это очень важно. Ведь как у честного человека. Совершил что-то, а после начинается этакое самоедство. Этого нельзя допускать. Ни в коем случае нельзя, иначе начнется саморазрушение личности, а стоит кому-то из нас, человек, отказаться от себя – и наступят неотвратимые последствия, суть коих в итоге – саморазрушение личности. Задумайтесь над этим.

Ну и понятно, что я пришел к вышеизложенной истине не сразу. Да, я о ней всегда знал. Все-таки видимо кто-то до меня уже доходил до нее, разве что образ того кто это сделал для меня сейчас размыт, а оттого поостерегусь предполагать, ибо могу случайно наделить не того человека дополнительными качествами этакого провидца. Но вот тот факт, что даже несмотря на то что я об этом знал, я тем не менее шел к этому пути долго и методично, все это словно говорит о том, что мне и вправду надо было пройти этот путь. Да, нелегкий, да, иной раз очень даже мучительный, но без него – не сформировалось бы у меня в голове истина, а значит я бы ей, возникни она, просто бы не поверил.

А еще я хочу сказать, что в мире нашем любят и выделяют людей, выбивающихся своими поступками за рамки вседозволенного поведения в рамках социального бытия. В советском кино зрители чаще всего симпатизировали преступникам, потому что играли их характерные актеры. В наше время уже все-таки немного не то, ибо размыты границы дозволенного. Когда можно все и сразу – так уже не ценишь. Но это кино. В жизни же люди попросту дублировали собственное отношение к кино, и оттого всегда возникал интерес не к тому, кто очень такой уж правильный, а кто смелый. И своими смелыми поступками идет напролом, за справедливость, разумеется. Всегда за справедливость, ибо те, кто совершал правонарушения ради личной выгоды и корысти традиционно вызывают отвержение у народа. Но несмотря на мое как будто бы возникшее

«понимание мира», подобное, конечно же, все равно остается тайной за семью печатями. То есть да, на какое-то время тайна словно приоткрывается, но после, как говорится, кто не успел, тот опоздал. А значит, приходится все начинать сначала. Ну да бывает, скажете вы, и будете правы. Как прав и я, иногда позволяющий себе сокрушаться об этом. Ну да действительно бывает. Мир устроен таким образом, что ему совсем все равно ваше мнение о нем. А если такое мнение у вас есть, то это все исключительно ваше восприятие бытия. То есть – все надуманно и выдуманно исключительно вами. Это очень важно понимать. И продолжать идти вперед, поставив перед собой цели, к которым надо стремиться.

.....

С годами все больше проявилась моя склонность к одиночеству. Причем одиночество у меня всегда было условно. Как говорил когда-то Сергей Довлатов, я хочу быть один – но рядом с кем-то. Вот так и у меня. Я мало лет своей жизни был по-настоящему один. Всегда со мной кто-то жил. Кто это был, я наверное напишу отдельно, в другой раз им в другой книге. А сейчас я просто скажу о том, что если у вас также как у меня, то значит жизнь вас формирует таким вот образом. И получается, что вы уже не можете иначе. Именно с возрастом я стал иначе относиться к тем моментам жизни, которые для всех других остаются неизблемыми всю жизнь. Пример? Очень просто. Скажем, если раньше в общении с кем-либо из старых знакомых, знающих меня десять лет и более, я старался соответствовать их представлениям обо мне, то сейчас вдруг стал совсем иным. И даже ничуть ли совсем противоположным себе бывшему. Многих это поначалу шокировало, но подавляющий процент моих знакомых принимал меня таким. С другими я переставал общаться.

Пожалуй, я мог признаться себе, что запутался. Иногда мне казалось что все, что выдумал я когда-то, на самом деле самая что ни на есть реальная жизнь. И что поистине удивительное – этой жизнью живут люди. Так или иначе, но впереди каждого человека, как бы путеводной звездой его, должен быть какой-то особый стержень, который наверняка вел бы его вперед. И это было бы чрезвычайно правильно. Правильно настолько, что не позволяло останавливаться на достигнутом. Да и еще, пожалуй, помогало бы двигаться быстрее. А при случае (необходимость в таких случаях иной раз возникает) – двигаться назад. Странное это было ощущение. С одной стороны вы вроде как четко понимали, что должны делать, а с другой на вас вдруг накатывала такая бездна отчаяния, что вы вдруг четко осознавали, что запутались. Да и запутались настолько, что какого-то четкого пути впереди вас нет. Пустота? Может даже и не совсем пустота, или пустота не в том понимании как виделась она вам раньше, но вполне верно, что ваше понимание действительности очень даже оказывалось размытым. А все, что было или могло быть? Ну, тут я не знаю. Какого-то четкого ответа видимо попросту не существовало. Иначе я бы его нашел. Я все время что-то находил. И в

том числе я всегда находил истину. При этом, по нахождению, она казалась мне чем-то до боли знакомым, наверняка даже близким. Да, пожалуй, и не могло быть как-то иначе. Так выходило, что чего-то я действительно страшился больше всего. И это мне мешало. Мешало, ибо не только не давало покоя, но и пугало своей неизвестностью. Ведь мы всегда боимся чего-то неизвестного. В моем случае этот страх был непонятен с одной стороны, и весьма пугающе опасен с другой. При этом я боялся того, что сейчас жду если не с радостью, но уж точно с облегчением. А значит и радостью, ибо радость это ведь и правда облегчение. Облегчение собственного страдания. А когда такое страдание вся жизнь? А когда случается так, что уже некуда бежать? Когда ты замечаешь, что вдруг пребываешь в полном беспомоществе от безумия, которое натворил. И нет выхода. И нет спасения. И с каждым разом погружаешься ты в бездну, из которой не можешь выбраться, потому что узки врата и все они ведут в ад. В библии чуть наоборот. «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф.7:13,14). Но чуть для меня не менялась, ибо находил я ужасным свое положение, и не знал как мне выбраться, спастись, воскреснуть. Утопия, я хотел воскреснуть не умерев. Но вы поймете меня, когда представите себе что жизнь моя походила на сверхъестественные колебания, от которых не было спасения с одной стороны, и которые неизвестно чем заканчивались – с другой. А посередине безумие.

И я спасался от этого безумия, и не знал куда выведет выбранный мной путь; лишь только понимал что ни к чему хорошему, по сути, он не приведет, ибо ничто так просто не закончится. Но по природе я был готов к этому. Поэтому сражался как мог с судьбой, не только не в силах смириться с поражением, но и не понимал как может быть иначе, ибо впереди ждала счастливая жизнь. Как я ошибался! Мне еще только предстояло сделать эту жизнь счастливой. Для этого требовалось пройти множество испытаний. И окончания пути пока было не видно.

Постепенно я уже понял, что не только совершил ошибку, но и, по сути, мне никак не выбраться из пропасти, в которую погружал себя в течение жизни. Вся моя жизнь вдруг стала представлять собой сплошной каламбур. И все, что было славного в нем, так это я сам. Все прошло, все исчезло настолько, что все больше и больше чувствую себя стариком, прошедшим жизнь. Тогда как сама жизнь еще далеко не прожита, а все, что было... так у меня ли одного? Нет, не только у меня. Просто большинство людей предпочитает проживать жизнь скучную и однообразную. А я всегда стремился находиться в гуще событий. И живя... Вот именно – живя, а не проживая, так вот, и живя, я предпочитал не думать о том что происходило в какой-то конкретный момент, ибо уже знал что все это становится достоянием истории. Но ведь никогда не знаете вы когда произойдет с вами то нечто, после чего мир уже не предстанет в ракурсе, виденном до этого.

Это вполне нормально. И что уж точно – очень и очень объяснимо. Не надо придумывать излишние ребусы, тогда как жизнь стремится к какому-то единому началу и структурированности. А уже все, что требуется от вас – это все правильно подметить. И не допуская каких-то ошибок, следовать нужному курсу. Притом что сам курс может самым загадочным образом изменяться и координироваться. Ну или еще вернее – и изменяться, и координироваться. То есть процессы будут удивительны своей неизменностью. И важны. Конечно же, важны. А сама жизнь будет выглядеть таким образом, что вы вдруг начнете замечать, что состоит она из мельчайших (и удивительных в своем роде) составных частей. И постольку поскольку угадать на самом деле все и не удастся, вы останетесь с ощущением чего-то до конца неизведанного. Быть может просто зная что есть, существует, но не совсем отдавая себе отчет что все это действительно так

Я не знаю, насколько я имею право писать обо всем, что чувствую сейчас. Но уже с другой стороны, ведь любое творчество – это великое исцеление. Избавление от внутренних противоречий, разрывающих вас. Порой разрывающих на части. Это нечто, что действительно страшное и ужасное. И что на самом деле может быть опаснее для вашего мозга, чем вся та гнусность и мерзость, которая скрывается в вас; которая подчиняет ваши мозги. Которая заставляет вас вести иную игру. Игру по совсем не тем правилам, на которые вы рассчитывали. И уже поэтому... Плохо все это. Не должны вы так поступать. Следует вам быть внимательным ко всему, что происходит. Вот в чем дело. Важно это. Быть может даже очень важно. А иначе и нет смысла начинать.

Мне не хочется сейчас думать что будет, если нет. В какой-то мере это видимо и ошибка и трагедия что это так. Не думаю что это так на самом деле. Видимо все же существует какой-то задел. Который позволит мне избежать совсем уж неожиданного падения. Не думаю что все по-настоящему плохо. Если хотите, я никогда не думал что это так. И что наверняка, все на самом деле иначе. Пусть это быть может сейчас и не объяснимо, но это так. А почему бы и нет. Ведь все равно мой мозг когда-нибудь не выдержит этого сумасшедшего напряжения. Что с того, что я... Кому на самом деле нужна вся эта гениальность кроме меня. Когда-то я был музыкантом. Все закончилось на уровне несерьезности. Был этап, когда это должно быть иначе, но я выбрал другой путь. Потом, много позже, я бы мог спастись, начав писать. Я и начал писать. Но ту единственную книгу сжег. Сжег рукопись, которая так и не стала книгой. Я просто почувствовал, что писать я не стану. Если бы я стал писателем, я бы подчинил этому все. Я бы подчинил этому себя. Я не стал. Я не испугался, а просто не стал. У меня есть человек, к которому я отношусь очень тепло и уважительно. Он стал. А я не стал. Я не он. Хотя когда-то он говорил, что мы очень похожи.

Мои чувства видимо можно назвать противоречивыми. Ну, скажу, что я видимо расслаивался в них, как рассеивается туман, прореженный круглыми фарами автомобиля. И по всему совсем нельзя было сказать, что я блуждал в каких-то облаках, потому как лишь только

изредка я чувствовал, что проваливаюсь в пустоту, а остальное все время был даже до невероятности собран и сконцентрирован. Странное это дело жизнь... Видимо и действительно странно. Хотя я и не могу допускать, что это все действительно так. И если кажется мне, что в какой-то ситуации что-то возможно недопонимать, то уже это вероятней всего лишь моя какая-то реакция на это, ибо на самом деле все значительно и не так, и даже может быть более чем спорно, чем так или иначе. Мне кажется, что в чем-то тут, по всей видимости, и может быть ошибка. Ну что уж точно, все и не совсем так как быть может того бы хотелось мне. Но вот ведь вопрос: насколько в реальности это все может претендовать на истину? Особенно с учетом того что и сама истина весьма и весьма затруднительна. Ну, или конечное понимание ее, истины, нелепо и непонятно. Хотя и что есть она, истина, кроме как не совсем уж призрачной дымки чего-то несуществующего.

Глава 3

Мне отчего стало казаться, что я понял, отчего так все со мной происходит. Проблема заключалась в моей излишней доброте и доверчивости. Ну и в желании, должно быть, изменить, во что бы то ни стало изменить собственную жизнь. А с ней уже получается и жизнь людей, на каком-то этапе его жизни оказывавшимся рядом. А то, что все время оказывались не те люди, я понял тогда, когда удалось окончательно от них избавиться. Хотя можно предположить, что кому-то они были и нужны. И даже быть может необходимы. Но вот мне удалось избавиться от них, и я был счастлив. И все захотелось забыть. Словно бы никого никогда не существовало. В чем причина? Не в том ли, что я все время верил другим? Что я все равно предполагал, что когда-либо начнется иная жизнь. И мне совсем не захочется в ней что-либо менять.

Но самое печальное было то, что подобного не происходило. Как бы я не пытался, сколько бы я попыток не совершал отыскать свое счастье – ничего не выходило. Ничего хорошего. И после каждого раза, после каждой подобной попытки – у меня еще более возрастала внутренняя боль. И уже если и хотелось что-то совершить новое, то с трудом преодолевал я внутренний протест. Многократно убеждая себя, что это действительно надо. Что стоит еще раз попробовать. Что все и на самом деле изменится. Что на этот раз оно просто не может не измениться. Не может стать так, чтобы вновь все повторилось именно в негативном варианте.

Не может быть – но случалось. И все в итоге происходило с точностью наоборот, не так как этого желал я. Причем, у меня уже не оставалось сомнений, что виной всему я сам. Моя ошибка. Моя неправильная оценка ситуации. Моя жизнь, которая все больше подвергалась недоумению внутреннего мира. Что грозило разрастись в какое-то неопределенное разветвление на все и вся.

Когда внутреннее «Я» как будто начинает жить иной жизнью. А сам человек не срывается в пропасть, а сразу оказывается где-то в стратосфере. Куда невозможно добраться, и откуда невозможно изъять его. Изъять личность. Ибо по всему оказывается, что человек лишен личности. Лишен или его собираются лишить ее. Хотя и можно предположить, что он всячески сопротивляется этому. Бессознательно желая, чтобы жизнь все же приняла другой оборот. И у меня действительно все бы вышло как-то иначе. Насколько, конечно, если бы это когда-нибудь оказалось бы возможным.

Я верил и не верил что это так. В какие-то моменты мне даже казалось, что все должно измениться самым неприятнейшим образом. И при этом все, что могло измениться, лежит в плоскости пока еще не до конца доступной его восприятию. Так, что если бы это и может измениться, то получится почти независимо от воли его. А связанные с этим душевные терзания нисколько уже и не приведут к каким-либо изменениям. И даже если вдруг это и окажется не так, то уж точно и случится не по моей вине, и приведет к результатам, не подвластным какому-либо восприятию его. И окажется, что все и вовсе, как минимум, хаос. А страдания необходимы для внутреннего роста, - всегда считал я. И потому, когда большинство событий жизни приводили к совсем не тем жизненным результатам, я склонен был не замечать их негативную составляющую. Это поначалу. А потом я даже допускал страдания, в надежде, что когда-нибудь они действительно способны будут привести к совсем обратным, положительным, результатам. И если все действительно произойдет так – у меня уже не будет необходимости вспоминать о том, что что-то приводило к чему-то плохому и грустному. Хотя, грустной была сама жизнь. И ничто не менялось. Слишком долгое время, быть может даже и в течение всей жизни, я находился во власти различных сомнений. Притом что перепробовал за эту самую жизнь я различные способы избавления от страданий. И даже говоря о страданиях, следует учитывать то, что они в какой-то мере различались от самого понятия страдания. Ну а может я к ним привык. И получалось так, что находился я практически постоянно во власти раздумий. И размышления эти о жизни настолько казались бесконечными, что я вполне лояльно относился к мыслям о том, что в жизни уже не произойдет каких-либо изменений. Потому как причина в том, что ко всем нововведениям относился я изначально негативно. И не то, что мне не хотелось, чтобы происходили изменения; нет, были такие желания. Можно предположить что были. Но вот должно быть так происходило от того, что на каком-то этапе я разуверился вовсе. А какие-либо порывы собственной души безжалостно душил. Нисколько не считаясь с тем, что все это вполне могло служить причиной новых страданий. И все действительно выходит так, что, несмотря на какие-либо попытки к изменениям, у меня, по сути, и выходит все, но это никак не отображается на отношении жизни – ко мне. Однако это не должно означать, что у меня к жизни было какое-то одно, устоявшееся

отношение. Совсем нет. Можно даже предположить, что мое мнение о жизни постоянно менялись. И в изменениях этих как раз и прослеживались изменения внутренних взглядов. Потому что мироощущения мои изменялись со временем. Можно даже предположить, что изменялись они в лучшую сторону. Ибо со временем уже перестали существовать в душе какие-то разногласия. А я с некоторым удивлением отмечал, что жизнь изменяется. Ну а то, что это не сказывалось на внесении каких-либо внешних изменений в жизнь?.. Так всегда что что-либо материальное отстает от душевного. И, наверное, лучше когда так, а не наоборот.

Глава 4

Я практически не сомневался, что сейчас начало происходить нечто, что быть может и не поддавалось какому-либо структурированному умозаключению. И что вызывало в душе массу противоречивых эмоций. Да и с каких позиций руководствоваться, чем я должен был объяснить ныне происходящее? Ведь только задуматься: будущее, то будущее, которое всегда как будто бы я и ожидал, так же как и прошлое, от которого я как бы растерялся в интерпретации его – все это начинало удивительным образом то ускользать, то наслаиваться друг на друга. И через время уже ни о какой более-менее логически осознанной интерпретации не могло быть речи. Или же она становилась возможна, но в таком количестве появляющихся версий, что уже практически на нет сводилось все. А затуманенное подобной неразгаданностью сознание совсем запутывалось, и хотелось закрыться, спрятавшись в раковину. Чтобы ничто не способно было потревожить. Также как и невозможно разрешить столь неожиданно возникший вопрос. Притом что вопрос этот как-то уж слишком обманчиво не требовал скорейшего сиюминутного разрешения. Тогда как на самом деле, все необходимо было решить скоро и быть может даже поспешно. И я знал, что в любой поспешности есть свое негативное начало. Также как и позитивное. И получается, скорей всего, что от этого вполне легко запутаться. Не зная как на нечто подобное реагировать.

.....

За все время разгадывания происходящего в собственной жизни, я понимал, что некая затуманенность заключалась в том, что использую я для анализа и возможного понимания философию и психологию. Тем самым как бы исключая попытку объяснения неких происходящих феноменов с позиции других наук. И в частности, фактически исключив точные науки. Что может быть в какой-то мере ошибка. Притом что речь не идет об изменении метода исследования. А лишь, предположим, о каком-то дополнении в исследование. А в качестве этого дополнения вполне

допустимо будет отталкиваться от чего-то другого. При этом, как будто и не исключая прежние методы исследования.

Я весьма сознательно относился к тому, что еще предстояло домыслить. Причем уже как бы получалось, что искренне пускаясь в поиски истины в своем бессознательном, я поначалу даже и не предполагал, сколько предстоит узнать от себя. Притом что - чего-то по-настоящему узнать как будто и не представлялось возможным. Особенно учитывая то, что как раз это многое норовило каждый раз ускользнуть. Но я не сдавался. И уже это быть может и было основной ошибкой-проблемой, что я не сдавался тогда, когда все как будто и говорило о том, что это необходимо делать. И сопротивляясь в таких ситуациях чему-то, что – как можно было предположить – ниспослано какими-то силами, управляющими судьбой, я нарушал какой-то верховный план судьбы. Выпадая из которого у него действительно шло все наперекосяк. Причем повинен во всем был сам. Лишь может как-то неохотно признавая собственные поступки. И я, когда проходило время, недоумевал, отчего все происходило так, а не иначе. Чем на самом деле еще больше запутывал себя. И что уж точно – отдалял от себя истину. Но ведь я понимал, что виноват во всем. Не хотелось винить судьбу, но получалось так, что она мстит мне, расставляя все на свои места и забирая недостающее.

И тогда уже ошибочным становится мое желание избавиться от чего-то подобного. Ведь если рассудить, я сам подвигал себя к началу какого-то мщения в отношении себя же. Когда не принимались никакие способы самозащиты перед собственной совестью. Быть может, когда я уже изначально был обречен. Как и обречен терпеть те многочисленные неудачи, которые в невероятных количествах скапливались в моем подсознании. А если они каким-то образом попадали в сознание – то я просто наяву осознавал, что происходило нечто страшное и по-настоящему ужасное. Причем в таких случаях мы ничего не способны изменить. А все что остается – продолжать страдать. Но ведь мне не хотелось, чтобы это продолжалось. Этим видимо и объяснялись периодически возобновляемые мной попытки-стремления к избавлению от подобных мучений. Причем, конечно же, проблемой уже было мое неосознавание собственной мученической роли. Ну и, наверное – бессознательное желание добиться изменения судьбы. Собственной судьбы. Ибо судьбы других менять мне удавалось. Не прилагая к этому даже каких-либо серьезных усилий. Хотя и советы в большинстве случаев я давал действительно искренние. Нисколько как будто не предполагая, что ими – воспользуются; а если случится так – то что-либо на самом деле изменится. Хотя, замечу, я словно интуитивно видел это изменение. А если кто делал так, как предлагал я – еще и убеждался в своей правоте. И уже получалось даже так, что, оценивая свое прошлое, я все меньше видел какие недоработки. Словно бы понимая, что тогда - именно так, как поступал я, и

поступать было надо. И лишь от того, что когда-то я слишком расстраивался из-за всего того, что сейчас признал совсем даже не существенным, иногда грустил, понимая, что ведь можно было, когда это действительно происходило, сделать как-то иначе. Но может иначе и действительно не получалось потому как было невозможно,- успокаивал я себя. И это все видимо и действительно было правдой; так же как было и весьма оправданно - да все из-за того, что не мог бы я поступить, наверное, иначе ни теперь, ни тогда. Разве что способен был оставить все как есть. Да, с другой стороны, наверное все же и не мог. Попросту потому, что в душе не было заложено поражение. А вся жизнь словно подводила к единственной победе. К которой я фактически все время стремился. И которую все-таки достигал.

Но не все, конечно, было так просто. Хотя я и мог позволить себе стоять на тех позициях, которые были мне необходимы. И словно бы не считаясь с другими, я тем не менее все обставлял таким образом, что как бы оказывалось, что другим и выхода нет иного, как только принять все то, что предлагал до этого я. Причем как бы выходило уже так, что чем больше проходило время на сомнения да раздумья (оказывавшиеся в итоге совершенно не нужными), тем больше получалось, что окружающие совершали как раз те поступки, которые, собственно, и должны были происходить в этот период времени и были в необходимы мне. И так от этого всего стало интересно, что я решил продолжать совершать все то, что, собственно, делать было необходимо.

Нет, конечно же, нельзя было сказать, что я был открыт со всеми. Скорее всего, следовало говорить о том, что я когда-то давно привык играть в свою игру. И если поначалу это еще могло восприниматься навроде шутки, то постепенно, как говорится, вошло в плоть и кровь. И даже вышло так, что я уже и не мог и не хотел иначе. Причем получалось все действительно достаточно хорошо. Что требовалось при этом от меня - другой вопрос. Приходилось мне, конечно, работать на пределе сил да возможностей. Но и с другой стороны, вроде как и никак иначе не хотелось. А я мог. Я понял, что в таком темпе могу работать долго. Ну, или не долго. Но был как бы готов к подобному. Как готов и к тому, что в любой момент моя жизнь может прекратить свое существование. Потому как работал я на износ. И прежде всего на износ моральных сил. Но пока я еще позволял себе наращивать темп интеллектуального участия во всех ситуациях собственной жизни. Причем, зачастую, как раз такие ситуации провоцирую.

Я улыбнулся. Впервые за последние годы в моих глазах появилась радость. Быть может это была радость от того, что мне не надо было больше ничего искать. А может это была радость окончания пути. Радость достижения того, что все эти годы я с таким усердием искал, к чему с таким трепетом приближался. И чего видимо все также боялся, или справедливее сказать - опасался. Быть может я опасался, что если найду, уже нечего будет искать? Или может быть,

раздумывая над происходящим, находил какое-то слабое утешение жизненным обстоятельствам именно в поиске? Но тогда уже получалось, в вечном поиске. Вечном поиске истины, счастья, какой-то тайной радости и такого же тайного и совсем необъяснимого радостного везения. Чего-то даже сверхъестественного и недостижимого, что все время норовило ускользнуть, и, по сути, ускользало. А что тогда? К чему тогда, получалось, все это непонятное томление, которое расплывалось по душе, изредка отзываясь эхом в нервах. Нет, этого наверное не было. А может мне больше казалось что это было именно так? А на самом деле все время создавалось лишь видимость чего-то такого, нужного и необходимого. А на самом деле не было.

Я не знал. Я понимал, что в который уже раз готов был вновь запутаться в происходящем. Да и само происходящее все как-то казалось таким... нереальным что ли. И я боялся этой нереальности. Я верил и не верил в нее. Я знал, что она вот-вот и приблизится к нему, и при этом мне вдруг начинало казаться, что ничего такого быть не должно. Что все это если и было, то было таким несерьезным, что вроде как и не нужно было, чтобы когда-либо наступало какое-то понимание. Потому что... потому что не было такого понимания. Потому что такое понимание попросту не существовало. А если когда-либо и было... Нет. Скорей всего его не было. Я не мог допустить, что оно действительно существовало. Что я попросту заблуждался в себе, в других, заблуждался вообще, потому что заблуждался. И я понимал, что ошибаюсь. Именно тут, именно в этом я ошибаюсь, тогда как на самом деле все должно быть иначе. Все попросту должно быть не так. По-другому. Должно быть все как раз до обманчивости наоборот. И видимо это было действительно так. И видимо это было бы действительно правда. И видимо в этом в какой-то мере скрывалась та истина, к которой каким-то тайным и доселе необъяснимым образом я приближался. Но и приближаясь, я не чувствовал что нащупал наконец-то то, что мне так было необходимо. Нет, это было даже может быть попросту невозможно. А мне... мне требовалось еще долго идти. И путь этот был путь в никуда. Но именно на этом пути я почему-то был уверен, что повстречаю счастье. Счастье. Вот чего мне на самом деле не хватало. Но воскликнув в радостном озарении, я уже понимал что ошибаюсь. Счастья в моей жизни в иные разы было столько, что оно казалось излишним. Хотя возможно ли это? Я был готов признать, что на самом деле запутался. Запутался в поиске истины. Запутался в необходимости такого поиска. Запутался во всем. Также как и все, от чего еще недавно я мог отталкиваться в своих размышлениях, внезапно показалось мне таким ненужным, странным, и даже в какой-то мере коварным, что я втайне обрадовался, что все произошло именно так, а не иначе. Да и как могло бы быть иначе? Нет, не могло.

.....

Иногда мне становилось не очень хорошо на душе. Со временем я научился с этим справляться. Странно, конечно, думал я, но то, что раньше вызывало настоящую душевную бурю, сейчас вызывает только улыбку. Как все-таки меняет человека время. Почти невозможно сказать, как это все будет выглядеть завтра. Поступки, которые я совершаю сейчас, в будущем могут быть одобрены или попадут в графу «ошибка». Тогда уже видимо очередная ошибка. Если проанализировать сколько их совершенно за всю жизнь, то правильно будет заметить, что я давно (быть может и с момента совершения) стал искать общий алгоритм как добиться того, чтобы если не совершать их совсем, то по крайней мере не так часто. И даже со временем, после мучительных поисков и апробаций найденного, считал, что нашел. Но так продолжалось до следующего периода времени, когда в результате анализа можно было сделать вывод что ошибки все так же продолжали совершаться. Но я хочу заметить, что это ни в коем случае не было каким-то «самоедством». Нет. Я отдавал полный отчет в возможном зашкаливании моего состояния в сторону развития какой-нибудь клинической психосимптоматики, поэтому как мне казалось, надежно удерживал психику в норме. Причем до определенного времени понятие нормы было скорее нормы в моем представлении, нежели каких-то официально принятых позиций нормы. Но со временем я разобрался и в этом вопросе, и теперь знал, что - как - и кому - при случае говорить. Признак если не таланта то одаренности – умение вносить вариации. Такие вариации не могут быть заготовлены заранее, они должны рождаться в единый момент, и исчезать при малейшем подозрении в их ошибочности или намека на устарелость, изживание себя. Глупо приводить пример, который напомнит шаблон, будет зависеть от стереотипа, или окажется недолговечным. Поэтому важно не помнить, а именно обладать способностью всякий раз рождать новые вариации касаемые эпизодов жизни. И чем такая способность в человеке будет представлена шире, тем в какой-то мере легче ему будет жить. Так я полагал. И поэтому отталкиваясь в том числе и от этих моих представлений строил жизнь. А жизнь периодически строила меня, вынуждая после каждой вновь совершенной ошибки вносить новые коррективы.

Нет, конечно, можно жить и не обращая внимание на ошибки. И даже не называть их ошибками, придумав какое иное объяснение совершенному. Но по сути, это мало что изменит. Потому что в душе вы будете считать как раз так, как это и есть на самом деле. Чтобы вы при этом не скрывали на словах, и какие воздушные замки не выстраивали мысленно. Это все не то. Это все пустяк. Это все ошибка. Быть может лишь очередная в длинной цепи происходящего и со мной и с каждым из вас. Или не с каждым. Не все хотят и умеют думать. Ошибочно полагая, что им этого не надо. Хотя и они думают, конечно. Но вопрос, что думают они на уровне лишь своего, присущего им на тот момент, интеллекта. И если они с позиции этого интеллекта пытаются делать общеглобальные выводы – то совершают ошибку. Как и совершают ее все равно, если такие

выводы делать не пытаются. Удивительно. Иной раз и на самом деле казалось все весьма и весьма удивительным. Жизнь как будто стала проходить настолько быстро, непонятно, практически в необъяснимом стремлении достигнуть недостижимого. И вот проходит еще какое-то время, и я вижу (и более чем отчетливо понимаю) что мне на самом деле уже не успеть. Что жизнь фактически заканчивается или готовится закончиться. А потом проходит еще какое-то время, и я вижу, что ничего особенного как будто бы не происходит. И все продолжается как прежде. Странная штука – жизнь. Фраза настолько часто произносимая, встречаемая, и при этом совсем как будто и не избитая. Или избитая? Иногда я бы мог сам себя не понимать, если бы не решил когда-то давно, что перестану себя корить. И стану если не радоваться жизни (совсем уж радоваться, совершая столько ошибок, может и слишком глупо), то, что уж точно, относиться к ней с большим уважением или – безразличием. И первое, и второе, и уважение и безразличие, являясь на первый взгляд разными, и чуть ли не диаметрально противоположными понятиями, на самом деле выдают значение одного: отношения к жизни. А это иной раз очень дорогого стоит.

.....

Совершенно точно я понимал, что происходит что-то загадочно-забавное, но относился к этому настолько философски, что тогда бы уже задуматься о том, что будет дальше. Но я не думал. Я предпочитал не думать, потому что знал, что мало что изменится от таких моих размышлений, ибо жизнь давно уже научила тому, что бывает она настолько своенравной, что ничего не зависит ни от нас, ни от каких бы то ни было предсказателей. А если кто и пытается что-то разгадать, так толком ничего у него не получается. И я только со временем я понял, что мне - что пытаться понять, что даже если и понять, - на самом деле ничего толком не изменится. Попытки вести диалоги с кем-то другим точно так же ни к чему привести бы не смогли. Что тогда оставалось? Да ничего. Жить. Просто жить, наблюдая за жизнью. Что я, собственно, и делал. А как иначе? Опускать руки я был не намерен ни сейчас, ни когда-либо раньше. И у меня начиналось страшнейшее переосмысление всего происходящего. В такое время я не принадлежал себе. Словно чистилище погружало меня в себя, превращая в одночасье в ничто. И тогда из памяти всплывало то, что я уже думал навсегда затерялось в глубинах истории.

Страшное это было время. Пугался я его поначалу. Казалось, жизнь на этом остановится. Потом научился справляться с этим. Я понимал, что любую скорбь нам надо принимать во благо, ибо дается она нам для очищения грехов наших. Да, через страдания. Да, через то, через кто-то иной может и не захочет пройти. Но вот тут уже начинается самое важное. Ибо, если мы проходим сквозь жернова скорби да печали, то через эти страдание очищаем свою душу. Вот ведь как. С одной стороны, кажется, что не страдает тот, кто не грешит. Но это не так. Также как малой

скорбью Господь отводит от нас скорбь более злую, так же как через время после совершения доброго поступка – приходит к нам искушение. И вот тут уже зависит все от самого человека. Если справится он с таким искушением – открывается впереди него нечто, что приближает его к царствию небесному. Если нет – мучиться ему в гиене огненной. Выбор всегда за человеком. Господь никого не наказывает. Провидением своим отвращает он нас от совершения того, что может погубить душу нашу. А погубив душу – будет у вас уже не жизнь, а одно мучение. Ведь самое страшное... самое страшное это муки душевные. Ни в какое сравнение не могут пойти они с муками физическими, телесными, ибо также как главнейших из органов человеческих это мозг, также и на первом месте стоит всегда психика человека, ибо что он без сознания? Животное...

Когда наступало время серьезных раздумий над жизнью, в такие минуты я старался другим передать те знания, которые у меня были. Я стремился учить, зная, что когда-нибудь обязательно пригодятся эти знания. И при этом все чаще мне хотелось скрыться от всех. Я любил часами отлеживаться под кроватью. Какое-никакое но для меня это было укрытие. По крайней мере – вздумай кто войти ко мне – у меня была фора: меня невозможно было отыскать сразу.

Что это было? Страх? Наверное, страх. Страх общения с кем-либо. Страх оказаться под «обстрелом» слов, жестов, взглядов другого человека. И мне и на самом деле никого не хотелось видеть. Хотелось быть одному. И я как бы наслаждался своим одиночеством. Наслаждался настолько, что положительные эмоции от этого прочно вошли в мое подсознание. И в будущем я частенько с удовольствием прятался или под кроватью или закрывался в чулане. Мне так было спокойнее. Так можно было никого не видеть. И добиться, чтобы не видели меня. Потому что таким образом хоть как-то можно было избавиться от собственных страданий, душевных мук, терзаний. И всего того, во власти которого я находился. И от чего (уже думал я) мне будет никак и не избавиться.

Хотел ли я страдать? Нет. Мне вообще претило какое-либо мое сравнение с человеком, испытывавшим какое-либо несчастье. Хотелось, всегда хотелось совсем другого. Ну, например, быть мужественным и сильным. И я таким даже был. Пусть это и не замечали окружающие. Но ведь я до сих пор уверен, что все мы носим какую-то маску. Иной раз и не одну. И тогда почему мне не вообразить, что я где-нибудь забыл свою прежнюю маску? Оставил. Хотя бы на время где-то оставил. Чтобы на то же самое время превратится в совсем другого человека. Такого, каковым больше быть может никогда и не буду. Но ведь я таким и был. Пусть и только в своей душе. Но ведь был же. И, признаться, мне несколько не хотелось возвращаться в какой-то другой мир. Чтобы вновь стать таким, каким я был всегда. Да и почему я должен стать таким? Меня даже устраивала (начала устраивать) моя новая жизнь. Пусть это было и не на самом деле. Пусть было даже и

неправдой. Но я жил именно этой жизнью. Хотя и на самом деле был совсем другой. Должен быть другой. И, наверное, даже хотел быть другим. А если что-то мне мешало в достижении этого, то я просто обязан был это устранить. Не допустить возникновения чего-то, что могло бы воспрепятствовать осуществлению (почти выполнению) тех решений, которые были заготовлены мной. Или кем-то. Но должны были выполняться исключительно мной. И не существовало ничего, что могло бы действительно воспрепятствовать чему-то подобному.

Я изменился. Пусть это случилось лишь на какое-то время, но я изменился. И словно в одночасье стал таким, каким видел себя в своих снах. В которых я почему-то был совсем другой. Какой? А вот такой, каким вдруг стал ощущать себя сейчас. Но это была только мечта. Хотя в мечту я верил. А что было на самом деле... А на самом деле я все время хотел хоть как-то отдалить от себя свои страдания. Они изначально были не свойственны мне. И если раньше все неудачи собственной жизни я принимал как должное, то теперь стал задумываться: а так ли это все должно быть? И если так – то почему? И есть ли шанс как-то изменить судьбу? Повернуть ситуацию как-нибудь иначе. Быть может даже сделать так – чтобы что-то похожее не повторялось.

Вот какие задачи стояли передо мной. И, конечно же, вся моя жизнь требовала их разрешения. Потому что в другом случае, как будто бы и вообще мне уже было не нужно ничего. Как, например, раньше. А если что вдруг и получалось...

По всей видимости, какая-то загадка, конечно же, присутствовала. И даже, быть может, неотступно следовала за мной. А в моем случае возможно было или поддаваться ей, или наоборот – стремиться от нее убежать. Исчезнуть. Ибо было пока что надеждой, что если скроюсь я – то исчезнет и она. Ну а как еще иначе? Пожалуй, наверное, и никак.

Я собрался изменить судьбу. Мне почему-то казалось, что это не так-то и сложно. А на самом деле я отчего-то был уверен, что должен это сделать. Во что бы то ни стало. Сиюминутно. Ну а раз я решил что это должно быть так – так значит так и будет. Несмотря на какие-либо препоны, которые, вздумай кто, мне вставлять. В своем новом облики мне даже казалось, что изменилась и моя внешность. Так, что стоило взглянуть на меня под определенным углом зрения, и меня уже было не узнать. Вернее – не мог узнать себя я сам. И это тоже, по возможности, было своего рода загадкой. Причем, в отличие от других загадок – как раз эта загадка не требовала мгновенного разрешения. Она вообще не требовала разрешения. И самое лучшее, что могло быть – оставить все так, как есть. Без каких-либо вариантов потенциальных изменений. Которые я, если честно, никогда и не любил. Мне всегда был ближе консерватизм. Хотя иногда я бежал от него, обхватив голову руками и чуть ли не захлебываясь от отчаяния и желания объяснить, почему я все делаю так, а не иначе. Тогда как иначе, как будто бы и не мог. Не хотел? Нет. Именно не мог. Потому что случались моменты, когда я вообще ничего не хотел. А может... а может мне было и

все равно. Но я не противился и этому. И если честно, мне всегда хотелось какой-то гармонии. Должна она быть повсюду. И при наличии ее становилось спокойнее. Да и проще. Намного проще. Проще жить. Проще понимать окружающую действительность. Проще, каким-нибудь незаметным образом вторгаться во внутренний мир кого-то, кто предстал передо мной. Чтобы там, конечно же, не навредить. А просто строить какие-то отношения с этим человеком – уже с учетом известных только тебе особенностей. И это было, быть может, самое главное. Но вот как же с судьбой. Ведь когда-то, когда я был еще маленьким, мне хотелось изменить судьбу. Не покидало желание сделать нечто подобное и после. А вот теперь, когда я давно научился перекраивать свою жизнь так, как мне того хотелось, что-то как будто надломилось в моей психике. И я стал с опаской и подозрением относиться ко всему, что касалось каких-то судьбоносных изменений. По мелочевке, конечно, я еще как вроде как и с удовольствием пускался в круговорот чего-то нового и неизведанного. А вот изменений в глобальных масштабах – опасался. Уж слишком могло как-то выйти не так, как я задумывал. И это, признаться, меня настораживало.

Нет. Так думать не годится. Просто хотя бы оттого, что совсем не бывает чего-то по-настоящему непонятого и неизвестного. А если что-то все-таки и бывает непонятно, то только лишь от того, что находится кто-то, кто просто-напросто боится этой правды. Боится, быть может, даже разоблачений. И оказывалось удивительным, когда этим кем-то оказался я. Ибо именно так я и стал с недавних пор считать себя. И уже если это и действительно так, то, что тогда, собственно, мне нужно было говорить. Говорить самому себе. Ибо, как раз для самого себя у меня уже давно не было оправдания. Никакого оправдания. И быть может, нужно было конечно, и просто смириться с тем, что это происходило так. Но, если честно, я так устал от этого. От какого-то смирения в том числе. И если чего мне и действительно хотелось – так это найти правду. Ту правду, которая обязательно должна была существовать и быть всегда. Независимо от того, что находился кто-то, кому эта правда была не нужна. А может и не существовала. Но ведь я был не таким. Как бы то ни было, но если я стремился к достижению какой-то истины, то это как минимум означало, что какую-то истину я найду. Пусть даже если позже я понимал, что то, что я находил, не было истиной. Пусть и на самом деле (даже совсем рядом) существовало что-то, что помогло бы мне отыскать именно то, чего я на самом деле и искал. К чему по-настоящему стремился. Но я, к сожалению, хотел, чтобы произошло подобное поскорее. А потому и ошибок во всех этих моих поисках было больше, чем должно было быть. Хотя, конечно же, кто из нас знает, сколько на самом деле должно или не должно быть этих ошибок. Это вообще находится в юриспруденции судьбы. А судьба это то, что не подчиняется никаким правилам, нормам, законам. И живет какой-то своей и неизвестной нам жизнью. И мы даже совсем не знаем что это. Жизнь, смерть. О себе мы не знаем ничего. Лишь только то, что судьба хочет, чтобы мы знали. И получается загадка. И получается то,

что мы как вроде бы и стремимся к каким-то иногда мучительным для нас разрешительными конфликтами. Но уже даже то, что это оказывается так... На это как будто и нет каких-то причин, объясняющих что-то подобное. И, по крайней мере для нас (для меня в том числе) - это всегда остается загадкой. И тайной. Конечно же, тайной. Той тайной, которая быть может и должна навсегда остаться такой. А что поделаешь? Судьба.

Глава 5

Случилось так, что однажды мне понадобилось составить что-то вроде реестра собственной жизни. Тогда мне предложили читать курс лекций в университете, к делу я отнесся со всей ответственностью, тем более что был уже немолод и необходимо было, как я считал, себя должным образом зарекомендовать. Позже мои лекции отменились. И хотя уже вскоре я получил приглашение еще из одного университета, я знал, что выполнил, быть может, главное, что давно уже выполнить был обязан. Я составил реестр. Реестр включал основные вехи моего пути. И от резюме отличался более лирической формой изложения на платформе сухой статистики и цифр. Я, до мозга костей гуманитарий, вдруг посчитал целесообразным и неизбежным применение цифр и схем. Притом что все эти схемы составлял самолично. Для этого даже вспомнил курс геометрии, разбавив его в своей памяти-сознании географическими справочниками и прочей сопутствующей литературой, которая, как сейчас понимаю, мне весьма пригодилась; ибо все, что вышло у меня в результате подобной работы - представляло вполне законченный во всех отношениях труд. И когда я представил его, мне можно было не задавать никаких вопросов. Что я из себя представлял - было понятно и так.

Какое-то время я, правда, переживал, что некому, собственно, показать свое сочинение, как вдруг сразу несколько человек изъявили желание ознакомиться с ним. Причем, это их желание было с их стороны столь искренно, что у меня слегка защемило сердце от переполнявшего меня чувства благодарности по отношению к этим людям. Это уже позже я понял, что в той моей работе эти люди ничего не поняли, и можно было вполне им ее и не показывать. Но вот в тот момент мне казалось, что все я сделал правильно. И даже стало как-то по-особенному приятно, что получилось так. А самое главное, я нашел способ, который мне позволял относительно успешно (что, впрочем, не избавляло от случавшихся с пугающей цикличностью рецидивов депрессивных состояний) выходить из положения. Я открыл для себя, что мне нужно просто-напросто (трудно, необычайно трудно, практически невозможно, но, к сожалению - просто необходимо: и это до сих пор является одним из успешных средств борьбы со всеми похожими состояниями) показываться «на людях». Причем, еще лучше, когда соблюдаются некие условия, как то: людей должно быть умеренно

много; некоторые из них должны быть вам знакомы; но не настолько близко, чтобы после обмена приветствиями, навязывать вам свое общество. К тому же, желательно, чтобы хотя бы одна половина из всех встреченных вами людей была жизнерадостна, а другая - не показывала свою грусть. Ну, и что еще важно, чтобы было все это «появление на людях» -- было не надолго, пару-тройку часов более чем достаточно. Иначе потом возникшая усталость от общения может не менее перерасти в какую-нибудь причину, послужившую лишь обострением того, от чего столь безуспешно хотели избавиться.

При общении с людьми - этом «вынужденном» общении - я менялся, преображаясь в человека, старавшегося подавить в себе подступавшую грусть, одевая на себе что-то вроде невидимой маски, так что абсолютно никто (разве что только самый проницательный человек, но нужно ли это ему) не догадывался, что на самом деле происходит у меня в душе. И вот с этой самой маской я жил, да и живу. Плохо это или хорошо - другой вопрос. Для меня – необходимо. И это притом, что подобная маска совсем не гарантирует полного избавления от душевной боли. Она лишь на время помогает отдалить тот миг, когда становится совсем плохо. Так плохо, что иной раз даже не хочется жить. Но вот удивительно, что окутавшая меня проблема как бы исчезала сама по себе. И тогда мне снова хотелось жить. По крайней мере, если я до сих пор жил, то вполне возможно что это было благодаря этому. Хотя понятно что страх не исчезал никогда вовсе и навсегда. Что представлял этот страх? Чем он был для меня? Чем он был для меня, если не всем. Ибо страх этот приходил внезапно и так же внезапно покидал меня. Так что я никогда не знал, когда это стучится вновь.

Когда начались мои подобные страхи? Я могу сказать, что не помню того момента. И в какой-то мере это будет правда. Но и все же я должен признаться, что подобное ощущение было у меня почти сразу после моего рождения. Не потому ли я оказался наделен такой хорошей памятью. И при этом я могу сказать, что память у меня имеет избирательный оттенок. Но даже ощущение этого необходимо мне лишь для того чтобы окончательно не сойти с ума. Да и что такое: сойти с ума? Ведь это, по сути, «земные понятия». Сойти с ума. Если угодно, я все время схожу с ума и возвращаюсь обратно. Это как бы изначально запрограммировано во мне. Стоит лишь раз ступить на этот путь, и невозможно с него будет повернуть обратно. Нужно ли мне это? Надо ли? Хочу ли я... А кто-то меня спрашивал о том: хочу ли я? Независимо от моего какого-то желания... Все происходило и происходит независимо от моего какого-то желания. Совсем независимо. Остается лишь ощущение того, что я принадлежу совсем не к тем людям, которые окружают меня. Которыми населена наша планета. Но таких людей нет и во внеземной цивилизации. И именно потому, я совсем земной человек. По настоящему «земной». Просто мне уготованы те ощущения, которыми просто не может обладать большинство. И ведь, можно сказать, что это здорово и

замечательно. И быть может это действительно так. Да и что все эти вопросы? Они приводят только к размышлениям. Размышлениям, под властью которых я нахожусь, начиная совсем с малого возраста. И даже тогда когда почти все взрослые считают что ребенок не может размышлять,-- я уже мог. Причем были это не какие-то совсем уж простые размышления. Как бы не так. Я могу сказать, что это были по настоящему глубокие мысли. Мысли, которых я сам боялся. Потому что мы все находимся под властью тех стереотипов, которые навязывает нам общество; социум. Мы считаем, что надо делать так или этак – только от того, что когда-то нам удалось увидеть, как это делали другие. Общество как – бы изначально глушит все то что заложено в нас от рождения. Хотя большинство из нас и от рождения уже подчинено эволюционным законам. Мы обязаны подчиняться им – иначе будем изгоями в этом обществе. Будем непонятые той социальной средой, в которой нам уготовано жить. И иного не дано. И мы сразу же подчиняемся ей. В ином случае те, кто не подчиняется, становятся маргиналами. И обретают славу отверженных. Славу тех, кто переступил черту, отделяющую «нормальных» сограждан – от отверженных. От тех, от кого это самое общество отвернулось. Ну а если не отвернулось сейчас – то обязательно отвернется в будущем. И иного действительно не дано. Потому то большинство из нас и вынуждены подчиняться. Подчиняться той нелепой силе, которая зовется толпой. Массой. Я всегда противился этой силе. Я никогда не считал что это действительно сила. Почему-то мне все время хотелось противопоставить себя ей. И даже если я не делал это открыто, в душе каждый мог быть уверен – что я совсем другой нежели чем они. Мне совсем не нравилось понятие массовой культуры, которое нам насаждалось чуть ли не с пеленок. Потому что стоило нам родиться, как уже все насаждали нам определенные привычки и правила. Мы должны были жить в рамках навязанных культурой. Ну а чтобы избежать от этой культуры?.. Это был настоящий подвиг. Не каждый мог решиться на такое. Но тот, кто смог переступить черту и избавиться от невидимых законов общества... такие люди уже не за что не хотели обратно. Пример? Пример это бомжи. Или цыгане. Люди, которые не несут никаких обязанностей перед обществом. Люди, которые действительно свободны. Свободны от привычек и условностей этого мира. Мира, в котором живем мы все. Мира, который заключил нас в свои жесткие рамки. И ничто (как будто) не дает нам право нарушить эти законы. Мы как будто и не можем это сделать. Мы изначально связаны условностями, которые довлеют над нами. И нет нам выхода обратно. Даже если захотим того. Хотя и я до сих пор уверен: если очень сильно чего-то захотеть – то все возможно. Но вот нужно обладать для этого действительно силой и решительностью. А это поистине очень редкое, даже исключительное качество. И ни каждый это может себе позволить. А вот я смог...

Глава 6

Время, которое должно было начаться сейчас, по всем параметрам могло считаться счастливым. И даже то, что я знал, что еще через какое-то время уже не буду так все чувствовать, а само чувство даже притупится немного, подобное нисколько не огорчало. Да и как оно могло огорчить, если был я уже не молод и знал, что открывшиеся в моем возрасте знания окажутся со мною навсегда. Не забудутся. И что не потребуется через время отрешиваться от них, изменяя себе, потому как слишком долго я шел к этой истине, и мог идти еще столько же, а не дойти. А тут как бы сейчас все и свершилось.

Сейчас практически невозможно в полной мере прочувствовать всего, что было тогда. Тогда я был другим человеком. Я вообще мог сказать, что жизнь делилась на практически равные отрезки, во время которых я мог позволить себе становиться совсем другим. А когда происходили те или иные события жизни, я действительно искренне верил, что я такой, какой есть. Задумывался ли я, почему все именно так? Задумывался. Мог ли изменить ситуацию? Мог. Вернее, но вот если бы на самом деле мог - изменил бы сразу. Потому что верно было то, что в каждом своем жизненном периоде я был не удовлетворен им. Стремился, чтобы стало все как-то по-другому. Но вот не находил той истины, которая как раз тогда должна была быть. Не находил, но стремился. Но то, что с этим можно было не только бороться, но и победить я понял намного позже. Хотя, как сказать. По сути, мой мозг в течение жизни получал значительную информацию. А уже анализ ее как раз и помог привести меня к возникновению какой-то уверенности. Уверенности хотя бы в том, что не все потеряно. Но именно это и важно. Отчаяние, пожалуй, самое страшное. Отчаяние это то, что не позволяет нам опускать руки. Отчаяние,-- это то, из-за чего мы начинаем смиряться. И... проигрывать. Конечно же, проигрывать. А значит, требовалось избежать наступления отчаяния. Нельзя было допускать, чтобы что-то подобное начинало завладевать нами. И надо бороться. Надо искать способы не только сопротивляться - но и выигрывать. Не сникать. Не падать в пропасть хаоса, окружающего наши души. И только тогда возможно - что мы... выживем. Хотя и понятно, что это будет не просто. Передо мной как будто раскладывалась проблема. Она высвечивалась с разных сторон. Была освещена каким-то неземным (исходившим от нее) излучением. Но это еще было не то. А значит требовалось и дальше раскрывать ее сущность. Выискивать те составляющие, которые в итоге должны были привести к исчезновению ее. И это означало, что борьба продолжалась. Ну а почему я решил, что все должно прекратиться? Да, какое-то видение появилось. Сложившаяся ситуация уже не казалась такой безнадежной. Но ведь это совсем не означало, что все должно закончиться. Тем более в ближайшее время. Совсем нет. Да и, по сути, ведь и раньше не было так все безнадежно. Какое-то правильное решение как будто и раньше все время

сопровождало меня. Вопрос только, что я не умел (да и не знал как) этим воспользоваться. Но это совсем не означало что все окончательно плохо или хорошо. Видимо, это был обычный процесс. Ну а почему нет? Почему я решил, что в моем случае должно было быть как-то иначе? Совсем нет. Требовалась достаточно длительная борьба. Требовалось задействовать любые (имеющиеся в арсенале) способы противодействия наступлению и продолжению течения болезни.

Течение болезни... Мне удалось правильно сформулировать происходящее со мной. Психика подвергалась какому-то вредоносному для ее функционирования воздействию. Извне это воздействие, или изнутри - не суть. Быть может: и так, и так. Да это, собственно, и не меняет ничего. А вот течение болезни... Это было подобрано верно. Течение болезни. Вот то, чему я пытался противостоять. И в детстве (еще не осознавая этого), и в юности (также, толком не понимая), и в более зрелые годы. Течение болезни... Но уже и это означало, что какое-то психическое заболевание было. Пусть форма его не столь выражена. Пусть болезнь еще не захватывала целиком, когда уже смешно было бы надеяться на какое-то противостояние. Но для меня сейчас важно то, что это было. Что моя психика подвергалась какому-то страшному нападению. Нападению, большей частью, неосознаваемому. Обманчиво создающему иллюзию того, что как будто и ничего не произошло. Что вроде как незачем бить тревогу. Но я ведь знал - что это не так.

Глава 7

Если подходить к вопросу ликвидности жизненных акций, то я просто обязан обратить внимание на достаточно удивительную особенность происходящего со мной. Ведь даже независимо от моего какого-то желания, на переднем плане моего сознания выдвигался некий путь, некое стереотипическое единство, признавая которое я независимо ни от чего делал выбор в пользу модели, которой начинал следовать на определенном этапе собственной жизни, понимая что это и является так, и по-другому быть попросту не может. Мне не оставляли иного шанса, как принять подобное умозаключение. Причем вся мыслимая и не мыслимая борьба внутри меня как бы отходила на второй план. И становилось до очевидности понятным, что предстоит следовать этому новому для себя пути. Причем, если предположить, что этот путь способен впоследствии как-то негативно на мне сказаться.

В общем, по большому счету, я никогда не считал что это так. А словно бы и наоборот, стоило мне задуматься над этим, как почти тут же находилось нечто, что отводило мои мысли, успокаивая их. И я уже понимал, что мне, пожалуй, и действительно не стоило переживать ни о чем. Притом что я отдавал достаточно трезвый отчет, что все происходящее явно в большей степени необходимо уже мне.

.....

Оказывалось так, что делая более чем настоятельные попытки добиться разрешения каких-либо собственных конфликтов, я подходил к их разрешению столь непредвзято, что иной раз и сам начинал запутываться, задавая вопросы себе, действительно ли это все так, или существует на самом деле другая цель, а все то, к чему я так стремился... Ну, в общем, я ведь вполне легко мог и запутаться. Хотя и даже полностью запутавшись, я знал, что ничто на самом деле не способно выбить меня из колеи следования плану, к выполнению которого он фактически подходил всю жизнь.

Почти невозможно было уверенно утверждать: ошибался ли я? Ведь в любом случае, какие-либо собственные заблуждения я со временем находил и исправлял. И даже если предположить, что на каком-то этапе выходил из собственного жизненного пространства, я все равно уже так или иначе возвращался ко всему тому, что способно было увенчать последующими положительными эпитетами совершаемое мной. А если при этом допустить, что многое я по-прежнему не понимал, то можно было поставить под сомнение совершение мной подобных действий, если не учитывать, что к любым поступкам я подходил довольно предвзято, и на самом деле все равно подводил их смысловую направленность к некоторому логическому завершению. Допуская что подобное обязательно должно быть уже даже несмотря на что-либо.

Я по-прежнему чувствовал то нервное состояние, которое испытывал ранее. Причем даже выходило, что и самих страданий как будто не было. Было нечто мнимое и до конца не изученное. К чему я уже так или иначе привык. Но до чего дойти не мог. Прежде всего, важно становилось понимание происходящего со мной. И как раз тут уже оказывалось, что, несмотря на кажущиеся удачными попытки изменений, дело обстояло таким образом, что все, что со мной происходило, было как бы в последнее время и не по-настоящему. Словно бы уже оказывалось, что я вполне был способен разобраться самолично с этими проблемами. Да и все что происходило - казалось столь неважным и не было настолько значимым, что я способен был чего-нибудь в равной мере испугаться или вообще, получается, как-то по старому отнестись к существующей проблеме. Ведь можно было заметить (и признать, сейчас - признать), что все, что происходило со мной как раз сейчас,-- на самом деле так-то уж серьезно не беспокоило меня. То есть я вроде как и начинал было волноваться, но почти тут же успокаивался. Понимая, что причины нет. А если и ощущал я нечто, что содрогалось в груди, так все как-то быстро (и почти независимо от меня) рассеивалось и я успокаивался. И начинал словно бы жить по новому. Уже с учетом имеющегося состояния у меня.

Это походило на другую жизнь. Во мне вдруг включались механизмы саморегуляции, благодаря которым я не только переставал ощущать тревожность, но и все беспокойство, которое

раньше приходило вслед за нежелательной симптоматикой - вдруг исчезало. А мне становилось достаточно спокойно. И даже я находил, что повода больше расстраиваться уже не будет.

Глава 8

Выходило так, что я уже не стоял на пути к какому-то внутреннему совершенству (точнее - не задумывался о нем). А словно бы получалось, что у меня все чаще подтверждалась в действии разрабатываемая (разработанная, но дорабатываемая) методика, согласно которой я предпочитал если не строить жизнь, то, что уж точно, оправдывать жизненное содержание. Выискивая всякий раз нечто новое, что, по моему мнению, способно было обратить любую жизненную ситуацию в какой-то положительный результат. Причем оказывалось, что если случалось что-то со мной, то я как бы невольно выискивал нечто, из-за чего, по моему мнению, там, собственно, все и могло произойти. И если вдруг оказывалось, что причина совершения подобного носила несколько негативный характер, то в этом случае я предпочитал запоминать ее. Чтобы в последующем - не допускать подобного. И при этом запоминая, обращал главное внимание на откладывание информации в подсознании. Потому как справедливо полагал, что в таком случае даже через годы любая информация (информация любой давности) способна будет прийти как раз в момент, когда психика будет в ней наивысшим образом нуждаться. В итоге, оказывалось так, что я пребывал на какой-то своей, отличной от большинства (по характеру подключения), волне. И уже даже оказывалось, что несмотря на стремление проступавшее иной раз сделать что-то, что противоречило бы какой-то душевной упорядоченности, то словно бы все равно получалось, что ничего не могло быть так, как если бы я не ставил на первое место именно интуицию. И понимая при этом, что все совершается как раз так, как желает того Бог.

.....

Выходило загадочно, но я словно целенаправленно погружал себя в определенные трудности, дабы почти тут же начать из них выкарабкиваться. Что это было? Неуемное стремление к обретению новых знаний? Или же патологическая уверенность в своих силах, с годами и действительно перешедшая в патологию? Видимо сам я не знал, а что еще вернее - попросту старался не вдаваться в подробности. Тогда как почти тут же можно заметить, что в моем желании анализировать все и вся - подобная догадка видимо скорее действительно походила на догадку, нежели чем на какую-то истинную правду. Хотя вопрос - бывает ли правда не истинной?

Как бы то ни было, но я действительно всячески стремился к тому, чтобы попытаться сначала воздвигнуть какие-то трудности, а после начать их преодолевать. И даже если этих трудностей

не было, то я сам придумывал их. Находя некоторое удовлетворение в столь искусном душевном садомазохизме. И не представляя себя иначе. С одной стороны все вроде как складывалось таким образом, что я находил трудности, с которыми мучился, страдал, считал даже что не заслуживаю такого. Но стоило тем отступить - и я стремился к ним. Полагая, что они-то как раз необходимы. А без них. Можно было предположить, что без них-то как раз чувствовал себя я не самым лучшим образом. Даже может быть испытывал нечто неопределенное, то, что вроде как было и всегда присутствовало во мне (чтобы к этому на каком-то этапе привыкнуть), а после вдруг получилось, что как только ушло оно - уже вроде как и начинаешь ощущать потерю. Что совсем мне не нравилось. И в то же время понимал я, что и продолжаться дальше так не могло. Моя душа тяготела к каким-то изменениям. А получалось, что когда приходил возможный вариант-способ решить проблему (избавившись тем самым от нее), получалось что - и не получается это. А словно бы надо наоборот - вернуть себя самого обратно, привести к тому состоянию, которое уже было проверенно временем. Когда совсем как будто не требовалось. Впрочем, здесь я находился на раздумье. Я уже как вроде и понял, что способен изменить себя, изменить судьбу, как-то повлиять на то, чтобы негатив исчез с души. Но и понимал что запутывался. Если действительно считать так, то получалось, что я никогда толком и не выберусь из внутреннего негативного состояния. Ну а если ко мне приходил способ избавиться от этого состояния, то уже получалось, что... как бы и не нужно было это. В общем, был повод задуматься. Мысли начинали водить загадочный хоровод. И вскоре я понял, что к чему-то толковому попросту не подойти. Необходимо было в корне менять все представление о складывающемся вокруг мире. И действовать уже в соответствии с теми обстоятельствами, которые были, но к которым еще необходимо было привыкать. Хотя может это и был выход.

.....

Я понимал что происходит. Тем более что происходило не все просто так. И даже можно предположить, что понял, что все равно, независимо от того что я на самом деле думаю, жизнь подчинялась чему-то единому, что наверняка управляет если не всеми нами, то большинством. Вопрос только, что кто-то из этого большинства догадался о подобном, а кто-то так и продолжает пребывать на стадии детской доверчивости со стороны формирования собственного мировоззрения школьными да дворовыми товарищами. И у таких людей создается первоклассный бред в голове. Когда оказывается, что они вроде как и говорят о чем-то, но проявляют при этом столь посредственное мышления (мышление - суть проекция мозговой деятельности отдельного индивида), что можно только предположить, чем на самом деле забита их голова. Тогда как мы как бы не берем нечто вынужденное и обязательное. Когда кто-то, кто проявляет подобные суждения,

сами по себе заблуждаются относительно указанного ими. А на самом деле такой человек... Ну, в общем, если он заблуждается, так, собственно, и о чем речь...

Если провести попытку самоанализа, то можно заметить, что бессознательно я все время приближал его. Ведь необязательно для того чтобы что-то произошло, постоянно говорить об этом. Психика наша устроена таким образом, что достаточно чтобы это что-то - находилось (пребывало) в мозгах. И если разобраться, я действительно сейчас перешел на несколько иной этап развития. И уже чувствовал только некоторую досаду на себя что упустил время. Но с другой стороны, всему свой черед. И если подобное не случилось раньше, то это означает лишь то, что как раз раньше я был к подобному не готов. Даже если мысли уже сформировались подобным образом, все равно, видимо, находилось нечто, что мешало окончательно подойти к завершению задуманного проекта. Да и проект все-таки больше разрабатывался в подсознании. Как будто получалось так, что всякий раз, когда я думал что достаточен последний шаг - находилось нечто, что этот шаг отдаляло. После чего я мог вообще начать все сначала. Ну, или считая так, все-таки попытаться достигнуть подобного другим способом. И даже если не получалось, уверял окружающих и, главное, себя, что все получится. Необходимо только продолжать работать в заданном ключе. Да стремиться достигнуть всего.

Я вдруг ощутил, что самый трудный отрезок жизни пройден. И вот сейчас как раз должна начаться совсем другая жизнь. Причем в то, что она могла стать другой, в это хоть и верил, но, тем не менее, вынужден был заметить, что общество пока не готово к чему-то подобному. А потому получалось, что должен был я продолжать стремиться к чему-то, но словно бы намеренно вводить и ложные цели. И лишь для того только, чтобы окончательно сбить какого не в меру ретивого наблюдателя с толку. Да и то, получается, все делалось для того, чтобы отвлекаясь на ложную цель - я не замечал настоящую. А в итоге все это должно было продлить жизнь и душевное здоровье. После чего пойти самым надлежащим образом.

Я не знаю. Быть может, посредством невероятных усилий или всеобщей глупости - я взвалил на себя непосильные обязательства, и тем самым себя в угол. Или почти загнал. Но если не стоило когда-то делать так, неужели тогда у меня действительно был какой-то выход? Да не было у меня альтернативы. Как нет и сейчас. Но тогда выходит, весь пройденный путь оправдан? Выходит. Хотя, я допускаю, что в целях самооправдания, еще можно и не такое признать. Но если и это верно, что же тогда я делаю, как говориться, здесь и сейчас. Оправдан ли этот добровольный уход от всех? Мотивированно ли добровольное затворничество? Или это больше напоминает на отшельничество? Да какая, в общем-то, разница. В какие-то особо тягостные минуты собственной жизни я пытался анализировать происходящее. Но то, что называлось самоанализом, в ситуации со

мной зачастую приводило к удручающим последствиям. Но быть может не стоило так корить себя? Выискивая в себе причину случившихся бед, да несчастий. Но я отдавал отчет, что, не иначе как во мне -- они более нигде не могли находиться. Вся история моей жизни подталкивала меня к тому предположению, что, просто-напросто следовало решиться начать все в корне менять. Хотя иной раз бессвязность полученных выводов поражала. Впрочем, все это могло служить и оправданием моего нежелания отображать реальную жизнь в собственных измышлениях. Что опять же, вполне можно было приурочить к невольному сопротивлению и воспрепятствованию. Конечно, во многом было любопытно взглянуть на себя со стороны. Но я не думаю, что выдам секрет, если скажу что я давно уже так на себя и смотрю. Притом что тот, другой, совершающий поступки, которые еще недавно я мог с полным правом приписать себе... ну, мне кажется, что иногда я ему здорово симпатизирую. Не думаю, конечно, что так всегда, но иногда это действительно так. И что уж тут, как говорится, поделаться. Да это может быть и вообще следует принимать именно так. Хотя и, признаться, с недавних пор у меня все чаще появляется желание разобраться, почему так происходит. Ибо кажется мне, что это все со мной ненадолго. А значит, я вроде как и обязан узнать, почему подобное возможно.

Сейчас меня поддерживала уверенность, что раньше у меня был хороший задел в плане подпитки собственной психики эмоциональной составляющей, появляющейся в результате большого количества событий, происходящих с моим непосредственным участием. Причем, что было важно, все эти жизненные ситуации прошлого были окрашены исключительно в красочные тона. А значит я мог ощущать их силу. И влияние, оказываемое ими, было исключительно положительно. А то, что происходит сейчас и будет происходить после - было не так страшно, потому что я чувствовал за собой уверенность, которую успели заложить в него те, с которыми я общался. И прежде всего, конечно, родители. Сейчас родителей не было. Но почему так получалось, что мне не нравилось, что происходило сейчас?

Но как бы то ни было, я вынужден был смириться с происходящим. И что может еще важнее - должен разобраться с тем, почему это все именно так происходило? Ведь если у меня получится - не придется всю последующую жизнь мучиться от тех противоречий, которые переполняли сейчас. И может даже дальнейшая жизнь пойдет по-другому. Так стоило ли задумываться обо всех этих состояниях? И вполне можно было допустить, что этим усугублял я свое состояние. А значит, так ли серьезно мне стоило думать о них? Или есть иной выход? Но тогда -- ищу ли я его? И не погружаю ли сам себя в пучину какого-то обмана?

Со мной такое случалось. На каком-то этапе жизненного бытия мозг вдруг переполнялся вопросами, на которые я ответить не мог. Был не в состоянии. Потому как некоторые из вопросов явно противоречили имеющимся ответам. А если эти ответы посчитать за нечто ошибочное - то

тогда как бы нарушается все остальное. Причем ошибка была заложена в самих вопросах. Некоторые из них противоречили себе. И самым разумным было совсем забыть что к чему.

Мне, видимо, здесь следовало остановиться. Противоречия, возникающие в душе, и которые - пусть и с трудом, но мне удалось загнать куда-то вглубь подсознания, могли в любой момент сыграть со мной злую шутку. При этом, что могло получиться в этом случае -- было более чем серьезным вопросом, который я способен был задать себе. Но так выходило, что я не всегда был уверен, что должен вмешиваться как в происходящее, так и в то, что только должно было произойти. А потому случалось, что я отпускал поводья. А сам делал шаг в сторону. Желая понаблюдать как бы со стороны. Хотя уже сейчас понимаю, что часто я слишком доверчиво относился к людям. Заигрывался. Считаю, что они вполне смогут справиться и самостоятельно. Тогда как на самом деле у них ничего не получалось. Причем до последнего никто мне в этом не признавался. И лишь когда я понимал, что все слишком затянулось - только тогда я предпринимал решительные шаги, которые могли свидетельствовать о моем желании докопаться до самой причины того, почему так все происходило.

В итоге, если разобраться, что я мог вынести позитивного из всех тех различных, по сути, форм мракобесия (даже не знаю, как это иначе назвать), что являла собой тогдашняя моя жизнь? Загадка. Действительно загадка. Потому что на самом деле получалось, что я ко многому стремился. Но, получается, так ни к чему и не пришел. Я словно сознательно запутывал жизнь. Пока не запутал ее основательно. Настолько, что уже начинал чураться собственной тени. Меня шатало от простых и нелепых увлечений чем-то фантастическим. Я попутно становился то рьяным последователем религиозных догматов, то самым отчаянным алхимиком. И начинал поиск основ бытия в метафизике. А потом возвращался к Богу, каясь в том числе и в не существующих грехах. Меня носило от одного увлечения к другому. Через какое-то время изучения той или иной философской доктрины - я разуверивался в ней. И догматическое сребролюбие - сменяла почти полнейшая антипатия к ней.

Могу признаться, что так и не нашел пока выхода. Но запутал себя основательно. Я начал вести полу-маргинальную жизнь. (Запутывая себя, замечу, тем еще больше). И может в конце концов что-то и могло привести к истине, но я стал ее искать в вине (на самом деле в водке, виски, коньяке). В моей жизни все время получалась какая-то путаница. Вопрос: кто был виноват - для меня даже не стоял. Потому как если у кого и были сложности с ответом, только не у меня. Я вообще всегда относился к жизни с неестественным чувством вины. Я жил - и был заранее виноват. Да и саму жизнь воспринимал как одну большую вину. Вину как за совершенное мной, а в большинстве случаев еще не совершенное. Не совершенное – даже без намеренностей совершать. Хотя кто из нас знает что будет в будущем. Да и какое для меня могло быть будущее. Я всегда с

большим опасением относился к нему. Боялся. И, наверное, даже то, что произошло сейчас - является в какой-то мере неким следствием как чувства вины, так и, пожалуй, производным всей моей жизни. Наверное загадка: почему я вообще живу. Так ведь скоро эта загадка должна разгадаться сама собой. И что точно, меня она не будет волновать.

В моей жизни никогда не было ничего закономерного. (Ну, или почти ничего). Все большей частью подчинено какому-то интуитивно - хаотическому движению. И лишь за малым исключением это было действительно так. Главным в моей жизни - была попытка жить. Стремление выйти из цепи закономерностей. И я могу сказать, что это мне в какой-то мере действительно удалось. Потому что я не мог изначально подстраиваться под общепринятые нормы и правила. Это касалось главным образом человеческих взаимоотношений. И несмотря на мое, порой, дикое желание подавить в себе страх, на самом деле я не мог ничего поделать. И это в какой-то мере постоянно раздавливало меня изнутри. Мою психику. Мое самосознание. Превращая меня, в конце концов, в раба собственных иллюзий и веры в то, что это когда-нибудь закончится. Не закончится. Я знаю, что не закончится. Разве что прекратится насильно. Но вот что самое обидное. Только недавно мне стали открываться те жизненные принципы, к которым я всю жизнь стремился. Раньше я каким-то образом жил в меньших сомнениях с самим собой. Быть может даже этих сомнений не было. Мне казалось, что я знаю, каковой должна быть моя жизнь. Ничто не омрачало этой моей уверенности. Я был убежден, что все должно быть именно так, как я это делаю. Любые сомнения растворялись в соответствующей (моменту) дозе алкоголя. И мне не было так больно как сейчас. С тех пор как я бросил пить. Это тоже в своем роде насилие. Насилие над собой. Откуда такой аскетизм и самобичевание? Быть может из Библии, которую я прочел еще будучи школьником старших классов. Независимо от моего отношения, сказанное в Писании вошло в мою кровь. Распространилось с ней по телу. И поразило мои мозги. Поэтому, какие бы мысли не приходили после, они уже были согласно полученным знаниям. И чем я становился старше, тем больше понимал, что вина за все лежит именно на мне. И по настоящему моя трагедия состоит в том, что я не могу ни поверить, ни убедить себя не верить этому. Это моя боль. Боль, которая уйдет со мной в могилу. Если таковая когда-нибудь будет. Загадка. Великой загадкой была моя жизнь. И понимание жизни непременно в этом случае базируется на каких-то ошибочных, а, по сути, ложных восприятиях. И на самом деле ничего из того, что готов поведать я, никогда не было. А если и было, то это главным образом есть искаженный взгляд на вещи. Взгляд, который мне уже, по сути, и не принадлежал. Потому как помнил я сейчас лишь искаженную сущность его. Вот ведь как...

Глава 9

Иногда жизнь кажется удивительной. Но вот я почти никогда не задумывался: насколько я могу себе позволить казаться удивительным? Удивляться жизни, воспринимать это самое удивление сродни некоему, в большей мере даже абстрактному понятию. И вот уже здесь передо мной начинали возникать противоречия. Вообще я давно уже понимаю, что моя жизнь загадка. С ранних лет я искал ответы, стремясь изведать ту тайну, к отгадыванию которой я, в общем-то, и не стремился. Я словно все время оказывался занят каким-то необъяснимым по важности трудом. И на самом деле, страдая, неосознанно делал все, чтобы эти страдания усилить. А ведь как было бы просто - разобраться в себе. Понять себя. И о чем думать мне, как не о смысле дарованной мне жизни.

Так получалось, я запутывал сам себя. Намеренно искажал действительность. И в этом самая большая и печаль и боль моя. Я стремился неизвестно к чему. И тогда, когда уже вроде как и достигал эту неуловимую тайну бытия, каждый раз находилось что-то, что отбрасывало меня назад. К тем истокам, которые все время были для меня новыми и по-настоящему неизведанными. И я не знал, даже точнее - я не верил в какое-то скорое разрешение внутренних противоречий. И потому словно намеренно делал все, чтобы запутать себя.

Оглядываясь, на прожитую жизнь, я все больше начинаю осознавать, что нужно-то было делать все иначе. Чуть ли не с точностью наоборот. Но уже понимание этого как раз и рождает в душе то чувство обеспокоенности, которое - если припомнить - было спутником всей моей жизни. И почти никак иначе. Потому что если только допустить, что что-то могло бы уже пойти по иному, совсем не запрограммированному сценарию, я почти тотчас же должен остановиться. Потому как совсем не знаю, что будет дальше. Что должно последовать за какими-либо моими, пусть и осознанными действиями, я действительно не знаю.

Ну а что же тогда? Как мне выходить из складывавшейся ситуации? Что предпринимать мне в этом случае? Потому что, что-то все-таки говорит мне, что еще не все потеряно. И какая-то надежда есть. Существует. Вот, правда, только существование ее совсем недоступно моему пониманию. И получается, вновь и вновь я погружаю себя в бездну. И падаю в нее, без какой-либо надежды спастись. Мне бы еще пожить... Мне бы повернуть вспять время... Хотя все как бы и говорит о том, что ситуация в которой я оказался сейчас, неминуемо должна была наступить. Мир зол и несовершенен. Как и точно так же несовершенны люди, населявшие его. В том числе несовершенен и я сам. Люди – это всего лишь люди. Те люди, которые в свое время распяли Христа. Те люди, которые все время с кем-то воюют. Те люди, которые выносят обвинительные приговоры и приводят их к исполнению.

Причем есть и хорошие люди. И у меня всегда на какое-то время нарушалось психическое равновесие. Случалось это - когда я замечал, что периодически уходят из жизни те, кто мог бы помочь другим не совершить ошибок, которые совершаются ими. И это одна из великих загадок мироздания. Потому что на самом деле никто никогда не берется разрешить ее. И все получается так, как будто это кем-то изначально запрограммировано. Положено. Установлено.

Удивительно, но мне кажется, что за незначительным исключением это должен быть не только более справедливый, но и более счастливый мир. Потому что люди, которые ушли из жизни, они уже почти все как бы мудрее живущих. Быть может потому, что со смертью наступает то изменение личности, тот всплеск мудрости, когда человек вспоминает всю свою жизнь, замечая в ней все ошибки, что когда-то довелось ему совершить. И осознание этого наверняка как раз и можно сравнить с тем духовным ростом, к каковому стремимся мы, пока еще живущие. Мне бы раньше сесть за письменный стол, да переосмыслить прожитую жизнь. Задуматься о жизни будущей (потому как в понимании прошлого - лежит возможность жизни будущей), и может не было бы тогда того, что случилось со мной. Но я не противлюсь судьбе. Потому что пусть эта душевная казнь не за что-то физически совершенное мной, а за те обиды, которые я когда-то нанес людям. И уже из-за этого, я быть может и действительно я виноват. И разве вину поступков не следует уравнивать с виной помыслов?! Иисус сказал, что грех совершает не только тот, кто его совершает в реальности, но и даже тот, кто думает о нем. Так что получается, что я действительно виноват. Потому что если кого-то когда-то обидел (а это наверняка было, пусть и позабыл сейчас про то, что оставил кому-то в душе боль), то вот за это-то как раз и кара.

Если честно, я даже не знал, когда это со мной началось. Думал что месяц, год... Оказалось, давно, а может быть и всегда. Всегда мои ночные кошмары неотступно следовали за мной. Не только не покидая меня, но следуя по пятам и несмываемым пятном заполняя мое сознание. Давно уже затуманенное сознание. Затуманенное страхами и кошмарами. Кошмарами, от которых невозможно было избавиться. А сами они (как бы сами по себе) никуда не уходили. Словно бы не понимая, что должны куда-нибудь исчезнуть. Но ведь не исчезали, черт возьми! И мне приходилось терпеть. Мучиться, от осознания их внутри себя. Словно бы взвалил я на себя непосильную ношу. Ношу, которую я даже не знал, когда мне удастся скинуть. Кому ее передать. Нет никого вокруг, кто бы согласился взвалить ее на себя - забрав у меня. И, по сути, вообще не могло быть. Потому что большую часть времени жил я вдали от городского шума. И от каких-либо людей. Ибо даже дом у меня находился на краю села. Да и люди в селе были все больше мрачные и нелюдимые. Занятые исключительно или собой или своей семьей. И большинство из них негде не работали. Довольствуясь тем, что урождалось на участке. Да мычало, крякало, кудахтало да хрюкало... -- свое

хозяйство было у всех. Кроме меня, разумеется. Но я все правильно рассчитал. Распределив деньги - на жизнь в деревни. На даче,- как я это называл. Восстановиться, набраться сил, подпитать - на природе - душевную энергетику. И, наконец, плюнуть на все, вздохнуть посвободней, быть может даже выругаться (кто знал, какие эмоции будут у меня через время) - и уехать в город. Чтобы по-простости какого-то времени вернуться обратно. Еще на несколько лет тихой и размеренной жизни. Потому как жизнь эта мне действительно казалась тихой и размеренной. И словно бы ненавязчиво я пользовался всем тем, что на самом деле для меня и было самым главным. Всегда казалось этим. И ничего я не мог поделать с подобным ощущением. И жил той жизнью, которая мне была ближе всего. Словно ничего больше. Взамен. Ибо никакие обмены я не любил. Предпочитая довольствоваться тем, что у меня было. И то, к чему я все же, наверное, неким таинственным образом стремился. Уже как будто и подсознательно заставляя себя ни о чем больше не думать. Чтобы не расстраиваться, наверное.

Наверное для меня это было не легко. Даже нельзя сказать, что это легко. И психика испытывала все новые и новые потрясения. И мне вновь и вновь приходилось преодолевать какие-то нелепые препятствия. Суть которых я не мог постигнуть. Несмотря на то, что проходили годы. За которые, наверное, можно было понять что угодно. Сделать для себя какие-то выводы. Что-то на самом деле осознать. И это при том, что непонимание этого (и я это чувствовал) достаточно пагубно сказывается на мне. Отзываясь в душе какими-то неизвестными аккордами. И словно предупреждая - дальше какого шага - делать было необязательно. Нельзя. Опасно. Быть может и вправду опасно.

Но я не страшился ничего. Ну, этих самых трудностей (черт бы их побрал) получается. И мне - несмотря на какое-то даже понимание этого - становилось неинтересно. За то, что должно быть. И что было уже наверняка. Что я не замечал. Словно вынужденно обходя стороной. И словно ненавязчиво выбирая какой-нибудь компромисс. Который, по моему мнению, просто обязан был быть. Не мог не быть. А я его, значит, должен был найти.

Но на самом деле - мне искать ничего не хотелось. И я словно надеялся, что еще что-то произойдет, после чего какой-то ряд событий просто не возникнет. Что-то ему помешает возникнуть. Но вот знать бы мне - что?

Конечно, что-либо узнать невозможно. Вполне понятно, что правда достаточно крепко держала на приколе свои замки. Не позволяя проникать сквозь них кому бы то ни было. В том числе и мне, разумеется. Ну а чем я был хуже? Совсем ничем. А если еще учесть, что никто и не знает, чем по-настоящему руководствуется его судьба, то и будет это не так-то уж страшно. А то и так, словно бы так и должно быть. И никак иначе.

Я лез, от мучившей боли, на стену. Пытался делать что угодно, только бы остановить мозги, удержать их в рамках существующих норм. Не дать вылезти из меня чему-то страшному, губительному, сделав точно таким же меня. И убегая от этого, я как будто не замечал, что попадал в новые сети. Раскинутые неизвестно кем. Сети, главный смысл которых заключался в неизвестности. В той неизвестности, которая окружала меня. Которая как будто и стремилась, чтобы я находился с ней где-нибудь рядом. При этом словно бы мне всерьез и не доверяя. И не ожидая, что это на самом деле произойдет. И самое настоящее отчаяние я испытывал всякий раз, когда стоило мне только подумать о том, что что-нибудь должно было происходить совсем не так, как изначально предполагалось. И ведь это почти притом, что сколько не пытался, я так и не смог выяснить, что же должно было случиться? Случиться, так или иначе. Так - а не иначе. И где на самом деле была граница этого «иначе»? Там ли, где ее устанавливал я сам для себя? Или же - где-нибудь в ином месте?

Но, конечно же, на самом деле я боялся всего этого. Давно уже боялся. Боялся начинающегося во мне безумия. Боялся того, как мысль начинала играть на каких-то своих - странных, загадочных, и совсем уже неизвестных -- инструментах. А у меня не было сил не только угадывать их, но я словно вынужден был я скрывать от них. Или делая вид что скрываюсь. А на самом деле оставаться в обозначенных ранее границах. Границах разума. Разума, которому немного - совсем немного - нужно было потесниться. Дать возможность проникнуть, стать на его место чему-то новому. Тому, что, быть может, доселе там не находилось. И чего бы раньше я совсем не позволил, чтобы это там находилось. А вот теперь как будто смирившись с откровенной глупостью и с тем, что придется потесниться. Впустив в себя совсем нечто странное и неопределенное. И даже совсем я не знал, как это все могло называться.

Но уже известно, что было это от отчаяния. От того, что как будто и выбора у меня никакого не было. И нужно было даже не смириться, а просто считаться совсем уж черт знает с чем.

И хотелось невероятно громко смеяться. И вообще - выказывать хоть какое-то неудовольствие вынужденностью подобного соседства. Но чем больше я понимал, что выбора у меня не остается, тем больше во мне начинала зарождаться надежда возникновения чего-то неосознанного, непонятного, необъяснимого. Того, что я хоть и не знал что это было, но каким-то образом верил в него. И был уверен, что способно оно будет вывести меня наверх. Привести в то позабытое мной состояние, когда психика еще первозданна и чиста. А сознание не испытывает на себе грез совсем ненужного давления. Давления, которое можно сбросить, высвободившись от него. Но как?..

И видимо положение мое действительно было столь шатко, что я хватывался за любую возможность хоть что-нибудь исправить. И почти как мальчишка радовался, когда это мне

удавалось. Удавалось настолько, что я мог торжествовать победу. И не отчаиваться, что что-то может произойти. Нет. Я несколько не боялся, что произойдет. И при этом, конечно же, я еще не мог считать себя до конца изменившимся. Скорей всего, совсем уж окончательно это никогда и не произойдет. И словно бы даже не должно найтись ничего, что могло бы хоть кого-нибудь подвигнуть понять нечто большее, что могло быть запланировано мной, например. Или тем, что смог бы кто-то говорить обо мне - и вместо меня. Нет. Я в это не верил. Я просто не мог позволить себе поверить в то, во что верить не хотел. И совсем неважно было устанавливать причину моего подобного пожелания. Это было неважно. Потому что, если разобраться, верил я не больше, чем мог бы убедить себя.

И если это оказывалось так, то мне совсем неизвестно: стоит ли сейчас обо всем этом распространяться? Ведь так получалось, что должна была существовать некая тайная, которая удерживала бы в рамках неизвестности что-то, о чем совсем неважно чтобы кто-то знал. А я... а я... А моя психика начинала все новый и новый виток вращения. Который отдалял меня от первоначального желания во всем разобраться. И вскоре совсем перестал отдавать отчет в происходящем. И это самое происходящее все больше и больше становилось для меня безразлично. И туманно. Настолько туманно, что я готов был сбежать от его изнеженной ласки. И постараться убедить себя - не писать ни о чем. Словно из каждой темы делая запретную. И совсем ненужную для меня. Необязательную для меня. Это была ловушка. Ловушка, в которую я сам погружал себя. Если и догадываясь что это так, то в полной мере не отдавая себе в том отчета.

Когда-то это действительно случилось все со мной... Но еще интересней, что все вокруг меня словно складывалось таким образом, что я и сам все больше погружался в загаданный мир страхов и кошмаров. Кошмаров разума. И я этих кошмаров не то чтобы не боялся, а скорее всего мною двигала именно жажда разобраться, почему это так происходит. Почему иногда мне становилось все хуже и хуже. И я не замечал, что окружающий мир способен не давать мне различаемые сигналы. Потому что словно выходило как раз наоборот: те сигналы, которые он подавал мне - я совсем не понимал. (Притом что стремился понять).

И словно что-то неизведанное заставляло меня проваливаться в ад, утрачивая еще недавно существовавшие иллюзии. Заставляя реагировать на них каким-то таинственным образом. Таким, что я бы, наверное, ни за что не решился угадать: что это, собственно, за способ-то такой? Или способы? Потому что терялся я до невообразимости. И как будто действительно ничего не понимал. А проходило время - и не понимал уже ничего. И мне совсем не хотелось выбираться обратно. Словно попадал я в некий плен каких-то нерастраченных страстей. Бродя среди них. И постоянно

чему-то удивляясь. А может на самом деле удивляясь всему, с чем встречался. Что удавалось замечать. Разглядывая сквозь царящий здесь туман.

И попытки что-либо понять были поистине какие-то глупые и нерешительные. Точно такие, каким, наверное, был и я. И если предположить, что с тех пор я изменился, то благодарить наверное должен был именно те состояния, в которых находиться не хотел, и от которых всячески стремился избавиться.

Я кромсал себе вены. Резал тело. Втыкал в себя нож.

Пусть и небольшой ножик, с небольшим лезвием - но была боль. Была кровь. И трескали мышцы, разрываемые входящим в них лезвием. Я словно окунулся в какую-то беспросветность. В пустоту. Откуда не было спасения. Так мне казалось в тот момент. Тела своего я не чувствовал. Совсем. Лишь как-то очень сильно болел мозг. Словно бы кто-то копошился в нем, раздвигая извилины, и словно бы даже надкусывая их. Или, например (так мне казалось) чем-то просвечивая.

Но ведь я и так уже светился. Ибо свечение исходило от меня. И не нужно было никакого света. Ибо самого света было предостаточно.

А потом я ничего не помнил. Совсем ничего, о чем можно было бы еще рассказать. И наверное к тому времени уже умер. Ну, по крайней мере, так мне казалось.

Мне не хотелось верить, что это на самом деле было так. Как-то до последнего я оттягивал этот момент. Пока у меня не получилось. И я каким-то образом посчитал, что это и на самом деле так. А через время уже и не задумывался: реальность это, или моя фантазия? Мои фантазии и воображение. Потому, что касалось воображения, то я и на самом деле мог придумать черт знает что. И даже со временем сам начать верить, что это так.

И все же, я не думал, что это так. Но это касалось только моего сознания. В то время как на самом деле я просто запутался, почему подобное могло произойти. И даже получалось, что чем больше я думал об этом, тем более сам себя загонял в рамки какой-то ирреальности происходящего. И это притом, что до конца не верил, что это на самом деле какая-то ирреальность. Правда и в то, что это могло произойти в реальности, я не верил тоже. И тогда уже мне оставалось просто забыть об этом и начать жить. Но как я мог жить? Тем более, что так жить я уже не мог. И ощущение что я все-таки делаю что-то не то, все больше начинало довлеть надо мной. Пока я не приказал себе успокоиться. И на самом деле признать, что ничего не было. Но что-то ведь было?..

Глава 10

Я приехал в город, в котором давно не был. Я ходил по улицам, и не узнавал их. Я заглядывал в лица прохожих, и они казались мне чужими. Я не узнавал ни город, ни людей, населявших его. Я отчего-то был уверен, что и город и лица его жителей должны быть другими. Какими? Я не знал. Когда-то я мог ответить на этот вопрос. И даже дал бы, если потребовалось, расширенный ответ. Но стоило мне попытаться сформулировать этот ответ сейчас - и я растерялся. Я не мог. Приходящие ко мне мысли не имели ни начала, ни конца. Казалось, что они и вовсе приходят сами собой. И что было самым печальным - я не чувствовал, что это плохо. Мне почему-то показалось, что так все и должно быть. Что, в общем-то, ничего и не изменилось. А лишь только я стал другим. Но в том-то и дело, что я это город был мне знаком. Получалось – что-то изменилось во мне. Но я этого не заметил. Не среагировал вовремя. И оттого какое-то время, попытавшись сфокусировать внимание на происходящем, совсем скоро вынужден был признать, что у меня ничего не выходит. И мне необходимо было принимать жизнь такой, как она была. В том числе и со всеми теми странностями, которые я ощущал сейчас. Ну а что я еще мог поделать?

Я ходил по улицам города, и не узнавал город. Все изменилось. Я не обращал внимание, что прошло десять лет и вполне логично, что город изменился. Появились какие-то новые постройки вместо прежних. Но постройки здесь были не причем. Говоря об изменениях, я имею в виду совсем другие изменения. Совсем другие.

Но самое печальное, что я не понимал какие. Я вообще ничего не понимал. И даже не догадывался. Я словно находился в информационной блокаде. В яме. И мне оставалось только догадываться, что на самом деле происходит.

Впрочем, я себе уже дал слово разобраться, что происходит. И был уверен, что это у меня получится. Пусть и не сразу...

Глава 11

Честно признаться, разобраться ни в чем не хотелось. Я почувствовал дикую усталость. И наверняка даже не мог толком сформулировать, в чем заключалась проблема. А в том, что она была, я не сомневался. Ведь это только на первый взгляд все казалось странным. Но ведь я не идиот. И понимал, что если эту странность не замечает никто кроме меня, значит дело во мне. И значит... Я боялся даже подумать, что бы это значило. Просто каким-то образом я провалился в пропасть. Но не погиб. А находился где-то внизу. Там где наверняка тоже жили какие-то люди. Но так выходило, что я их не понимал. Но мог к ним приспособиться. Хотя то, что меня бы они не поняли, я был уверен. И лишь поначалу только сомневался, но стоило мне задать себе пару-тройку

наводящих вопросов - как все проваливалось в тартарары. И уже ни в чем невозможно было разобраться. Так же как никому нельзя было верить. И самое интересное: я не мог допустить, чтобы об этом догадались другие. А потому устало играл свою роль. И не знал чем все должно закончиться. Притом что вообще сомневался, будет ли этот конец.

Со временем я узнал, что в своих страданиях не одинок. Каким-то образом я почувствовал, что в городе, куда я приехал, есть еще люди подобные мне. Которые почти точно также мучаются непониманием ситуации, в которой оказались. Так же как и я -- испытывают тревогу, беспокойство, и быть может даже страх. И что нас еще объединяло - это удивительное нежелание прекратить собственные страдания. Ведь казалось, что может быть проще. Бери да уезжай. Но нет. Или это действительно было слишком просто. Или же мы все хотели разобраться, найти причину, справиться с ней. Ну и зажить после этого обычной жизнью.

Я как-то быстро понял, что на самом деле обычной жизни у нас не будет. Мы потеряли способность различать обычную жизнь. И ответить на вопрос: какая она? - тоже не могли.

Мне хотелось начать громко ругаться. Матом. Мне хотелось... Черт его знает, что мне на самом деле хотелось. Хотелось многого. Вопрос был - как научиться отделять зерна от плевел.

Когда-то я это мог. Но почему-то сейчас был убежден, что в полной мере этого уже никогда не удастся. Притом что я ведь вполне мог и не страдать. Мне бы свыкнуться с реальностью, в которой я оказался. Как-то приспособиться к другим. Попытаться вписаться в эту жизнь. Начать жить этой жизнью. И поскорее отбросить все тревоги да сомнения. Они мне были не нужны. Они только оттягивали меня назад.

Но я знал, что так не мог. Я знал, что буду или продолжать страдать, или же сумею переломить ситуацию. Повернуть ее. И тогда все пойдет по-другому. Мне почему-то показалось, что у меня получится. И я решил пока остаться в этом городе. И действительно во всем разобраться. Ну а почему нет?

Почему нет? Я задавал себе подобный вопрос, и по-прежнему не находил ответа. Я стремился во что бы то ни стало докопаться до сути. Мне уже попросту стало интересно, что же на самом деле происходит. Почему я вдруг стал таким образом воспринимать ситуацию. Почему все это было так, а не иначе. Почему - почему - почему?

Чем больше я задавал вопросов, тем больше у меня появлялось ответов. На каждый вопрос их было несколько. А потом они множились в геометрической прогрессии. И все их я держал в голове. И помнил. На удивление помнил. Помнил все и вопросы и ответы. Притом что ни один из ответов мне не подходил. Я просто не мог себе позволить принять их. Почему? Да, знали бы вы,

какие это были ответы! Слыша их, мне хотелось ругаться. Слыша их, мне хотелось начать все крушить. Но я нисколько не переживал. Ничего,-- говорил я себе.-- Если все происходит так, значит просто еще не время. И при этом я знал, что это время когда-нибудь наступит. И я наверняка почувствую это. Вот только когда это произойдет?..

Случалось, я не верил в себя. Ну, точнее, переставал верить. Притом что, конечно же, понимал, что подобное не должно происходить. Мне нельзя было сникать и сдаваться, если я решил остаться в этом городе. И требовалось разобраться, что же здесь происходит?

Я требовал от себя – и начать разбираться. И вдруг в какой-то момент понял, что город-то какой был - такой и остался. А вся проблема во мне. Потому как это именно я изменился. Стал другим. И вполне разумно, что смотрел на мир другими словами. Но ведь и так считать было бы слишком просто. Я вынужден был с собой согласиться. Ведь я действительно не стремился к какой-то простоте. И это наверно было самым главным. Потому как означало, что разбираться с этим мне предстоит вечно. Ну, по крайней мере, очень-очень долго.

Очень долго. Но почему-то я по этому поводу не переживал. Я знал, что разберусь. Справлюсь. Я просто знал себя. Но и точно также я знал, что стоит мне уверовать, что дело особой сложности не представляло, и я сразу терял к нему интерес. А свой интерес я берег и лелеял. Мне не хотелось с ним расставаться. Я собирался подойти с другой стороны. Разобраться в себе. И решил остановиться на этом. Ну а остальное покажет будущее.

Как ни странно, будущее мне ничего не показало. И показывать не собиралось. А мне вдруг подумалось, что стоит попробовать не обращать ни на что внимания. И считать словно бы ничего и не происходит. И я как-то быстро уверовал, что это и есть выход из положения. Пока не понял, что никакой это и не выход. А бегство. И, наконец, не этого ли я опасался в самом начале? Не от этого ли все остальные жители не замечали того, что обнаружил я. Ибо просто-напросто они свыклись с происходящим. Поэтому и казалось им, что ничего не происходит. А мне... Мне уже ничего не казалось. Я вдруг понял, что просто запутался. И мне не так просто будет что-либо понять. И в голову уже стали лезть откровенные глупости. И я почувствовал, что глупею. Просто глупею. И это было самое страшное. А особенно страшным было то, что я это все выдумал. Ничего на самом деле не было. А было только абсолютное безобразие. Ибо я уже ничего не понимал. Я вообще в какой-то момент перестал все понимать. И почему-то уже считал, что так все и должно быть. Пусть это и как-то было временно, что ли. И при этом мне не нравилась эта «временность». Мне вообще все перестало нравиться. А ведь при этом я был уверен, что все так, как сейчас - оставлять нельзя. И

мне необходимо было за что-то зацепиться в своем понимании. Тогда бы, я полагал, и разобраться во всем стало бы гораздо легче. Ну, примерно так.

Примерно я не хотел. Я решил чаще бывать на улице. Понимание происходящей ситуации, как я полагал, должно было придти ко мне само. Словно бы независимо даже от моего какого-то желания. Притом что желание в чем-то разобраться у меня было огромное. И оно каким-то удивительным образом проецировалось на все, чего я касался. Ну а так как в этом городе я все же продолжал жить какой-то жизнью, то оно и проецировалось на мою жизнь. И каким-то образом затрагивало и всех людей, которые мне встречались в этой жизни.

Странно, но отношение к людям у меня было двойственным. С одной стороны, я все время старался от них дистанцироваться. А с другой - наоборот. Бывали времена, когда мне непременно необходимо было общение. Без общения я чувствовал тревогу и неудобство. И я общался. Общался, зная, что это мне поможет. Общался, зная, что в многочисленных диалогах я найду истину. Истину... Я повторил это слово, словно пытаюсь распробовать его на вкус. Я ведь и действительно искал истину. Причем даже не то, что я это понял только сейчас. Я об этом знал. Но видимо знать и понимать - еще совсем не выход, но разрешение загадки. Если предположить, конечно, что загадка на самом деле существовала, а я ее не выдумал. Я многое способен был выдумать. Мог даже выдумать себя. При этом, сам зная о своих способностях -- ничего выдумывать я не хотел. Да и, если честно, не собирался. Однако ситуация в какой-то мере могла показаться парадоксальной. Ведь если мне все это осточертело, то что, собственно, тогда я в этом городе делаю? Тем более что здесь у меня никого не было. Я снимал номер в гостинице. Ничем особо был не занят. Так что, по большому счету, меня ничего с этим городом не связывало.

У меня было предчувствие, что в чем-то я ошибаюсь. Я словно угадывал ошибку. Ошибку, которой, по сути, быть не должно. Ведь я уже пришел к заключению, что какое-либо мое чувство - есть ничто иное, как проекция бессознательного. Именно так это следовало понимать. Именно к этому я поначалу склонялся, а потом уже и принял бесповоротно.

Да так и на самом деле это было. И уже отсюда, получается, что все стремление разобраться с самим собой на самом деле никуда могло не привести. Я только поначалу оттаивал, чтобы потом начать демонстрировать исключительную зажатость. И уже во всех моих словах сквозила исключительная недосказанность. И словно бы ничто не говорило за то, что действительно удастся в чем-то разобраться.

Я не верил себе. Я вдруг как-то быстро перестал верить себе. Так же, как уже давно не верил в судьбу. И в какой-то миг мне казалось, что меня окружает пустота. Пустота и недопонятость. Ну

это, по большому счету, было не так страшно. Я словно бы неожиданно это понял. И уже после этого я стремился выбраться из ситуации, которая меня окружала. И при этом словно бы в надежде продолжал верить, что я на самом деле что-то и не понимаю. И уже словно бы и случайно мне удавалось всякий раз отыскивать нечто, что мне действительно помогало считать так. А значит, мне становилось легче воспринимать эту действительность. И я уже несколько не считал, что все так плохо. Даже может быть наоборот. Иной раз считал и обратное.

Думать о чем-то плохом мне не хотелось. Тем более, что в какой-то момент все что было необходимо и про себя и про город я понял. В первую очередь про себя. И вскоре, после того, как понял, разобрался и с другими, уже было начинавшими мучить меня, вопросами. Я просто понял, что никаких этих вопросов не существовало. Я их выдумал. Точно так же как выдумывал достаточно многое в этой жизни. И даже на каком-то этапе принялся жить в этом выдуманном собственном мире. И мне это нравилось. Но потом все возвратилось обратно. И я уже казался идиотом -- себе вчерашнему. Все что раньше казалось смешным - раздражало. А все что могло вызвать тревогу - успокаивало. Мир в моем представлении словно бы перевернулся с ног на голову. И я знал, что какое-то время мне придется пребывать в подобном состоянии. Чтобы потом...

Сложно было загадывать, что будет потом. Притом что, вполне могло так случиться, что никакого «потом» и не будет. И я уже, если честно, и не знал, что мне думать. Так же как и прежде, я мог думать всякое. Практически все, что придет в голову.

Случалось, приходилось бояться некоторых мыслей. Правда, я тут же старался их переключить на что-то; заменить другими. Но могу признаться, что не всегда мне это удавалось. А вскоре я начал догадываться, что вызвал подобные состояния сознательно. Просто так получалось, что без них я уже не мог. Нет, все же мог, наверное. Но и при этом достаточно желал избавления от страданий. Хотя и отдавая отчет, что это была своеобразная игра. Что все надуманно и вычурно. Не по-настоящему. А по-настоящему... По настоящему - я наслаждался страданиями. Я нырял в пучину беспросветности, словно невзначай звал о помощи, и уже знал, что даже самая оперативная помощь мне не поможет. Мне она попросту была не нужна. И ведь неправда было, что я хотел страдать. Совсем нет. Страдать и мучиться я не хотел. Можно даже предположить, что для меня это было совсем неинтересно. Да и не ждал я, если честно, от судьбы благословений. Я принимал жизнь такой, как она была. И наличие страданий в этой жизни предполагалось. Просто предполагалось.

И уже почти точно таким же незыблемым условием наличия страданий была необходимость сосуществовать с этими страданиями. Причем правила приличий предполагали, чтобы я не игнорировал эти страдания. Я как бы вынужден... Нет, уже получается и не вынужден. Я просто не

мог поступать иначе. Не имел права. Ну и страдал, получается, уже от этого. А что мне еще оставалось?

Конечно же, я мог предположить что ошибался. И я в который раз пустился в путешествие по городу. Мне хотелось разобраться: действительно ли в чем-то мой взгляд был ошибочен? Причем, где-то в глубине души, я в это не верил. Иногда я даже был убежден, что подобного не может быть. Ибо, как говорится, не может быть никогда. Ну, я просто не мог предположить, что все мои недавние предположения глупость. А выводы, которые я с таким усердием выстраивал, несли в себе исключительно одно: ошибку.

В подобное мне верить не хотелось. Жизнь слишком коротка,--говорил я себе,--чтобы в ней еще и ошибаться. Мне захотелось чтобы, в общем-то, ничего подобного и не было. А вся эта выстраиваемая цепочка нелепых суждений как раз и оставалась такой. Нелепой. Причем, чем больше думал я уже об этом, тем больше приходил к совсем другим выводам. И убеждался, что чего-то такого на самом деле и не происходит. Не происходило никогда. И никогда не произойдет. А все что уже было... Я не знал, на что это необходимо было списывать. Догадывался лишь, что надо. И обещал себе найти причину чуть позже. Когда действительно все каким-то образом упорядочится. И уж, по крайней мере, будет не так как прежде. У меня начиналась другая жизнь. Я вдруг понял, что все должно быть иначе. Что необходимо не только взглянуть на жизнь другими глазами, но и начать жить по-другому. Сложно? Сложно. Возможно? Возможно. Мне вообще иногда трудно было разобраться, чего же я хотел. К чему стремился. Впрочем, стремления мне-то как раз были известны. И, наверное, только оставалось найти оправданность этим стремлениям. Предполагая, что дальше все будет значительно легче. Дальше легче не будет. Я это знал. И потому просто подстраивался под то, что было. Раз и навсегда признавшись себе, что ничего не изменится. А чтобы никогда не падать духом -- я приучил себя смотреть на мир в несколько иной плоскости, чем это было надо. И со временем уже так к этому привык, что просто опешил, когда, случайно возвратившись в город, не узнал его. Но и действительно: не он изменился, а изменился я. И став другим, я просто этого не заметил. И произошло все как-то незаметно для меня. Так, что если бы мне предложили что-либо изменить, я бы не согласился. Совсем не предполагая, что все уже изменилось. И все, что мне оставалось, это свыкнуться с той реальностью, которая была. Ни больше, ни меньше. То есть, начать жить какой-то новой, и, по сути, не совсем обычной жизнью. Не обычной для моего нового восприятия этой жизни. Тогда как вообще самое главное было это то, что мне необходимо было жить. Жить, не обращая внимания на условности, воздвигаемые самой жизнью.

Мне даже не требовалось отвечать ни на какие вопросы. Что было практически однозначно - я бы все равно не смог на них ответить. Так выходило. А я этому не противился. Смирился. Можно

сказать смирился. Притом что периодически в душе назревали протесты. Но они были не существенны по отношению к действительности. Да и не нужны мне. А сам я уже понял, как следовало себя вести. И все, что было необходимо - удержаться в подобных рамках.

Мне необходимо было начинать жить по-новому. Ну, или еще вернее – по-другому. Иначе, другими словами, чем было доселе. Однако, как ни крути, не делать какие-то решительные шаги не хотелось. Да и как я мог так-то изменить жизнь. Разве что...

Мне пришла в голову идея ограничить лишь свое восприятие мира. Не меняя его. Пусть он находится в тех рамках, в которых и существует. Зачем мне изменять его. Я ведь не революционер. И тогда уже все, что мне оставалось - изменить свое восприятие действительности. Хотя, признаться, оно и так уже заметно отличалось от того, что было на самом деле. И я видел нечто большее. Что? Что я видел? Ну, здесь-то ответ как раз достаточно прост. Я видел то, что хотел увидеть. И игнорировал что-либо болезненное для моей психики. Ну и пусть что мир мой иллюзорный'--считал я. Понимая, что это, быть может, вообще единственный выход из положения. Да и разве могло быть как-то еще иначе?

Окунувшись в совсем новую для себя действительность, я почувствовал, что начинаю изменяться не только внутренне, но и внешне. Я изменил внешность, походку, речь. И стал вести себя уж совсем даже по-другому. И все было так, словно так и должно было быть. Ничего уже не требовалось ни менять, ни чем-то дополнять. Все словно бы встало на свои места. И самое удивительное, что все это мне нравилось. Я словно бы стал сам собой. И наслаждался подобным состоянием. Я наслаждался подобным состоянием пока не понял, что я, в общем-то, глубоко патологическая личность. И мне попросту не удастся убежать от себя. Но знаете... мне так понравилось это мое новое состояние, что я уже не хотел ничего менять. Меня все устраивало. И я решил оставить все как есть. Чтобы я о себе при этом не думал...

Вся ошибка моя состояла в том, что я всегда делал ошибки. Так выходило всегда. Так вышло и в этот раз. Не знаю. Быть может, возможно было, чтобы вышло как-то иначе. Но уж слишком проблемный я был человек. В том смысле, что проблема заключалась во мне самом. И никак нельзя было от того избавиться. И ничто не могло изменить подобную ситуацию. Привести к чему-то, от чего (или с помощью чего) я мог бы надеяться на положительное разрешение. Разрешение чего? Конфликта разумеется. Того конфликта, что произошел с моим непосредственным участием. Да что там. И произошел то он именно из-за меня. Вернее, из-за моего второго «Я». Которое в последнее время все чаще вмешивается (не вовремя вмешивается) в мою жизнь. Не только довлея над мыслями, но и, зачастую, руководя ими. И нет у меня иного выхода, как только смириться с этим.

Да. Именно смириться. Что ж. Если вы хотите, я могу рассказать, что же со мной произошло. Да. Я, пожалуй, действительно согласен, вам рассказать. И если вы согласны - слушайте.

В моей душе начинался разлад. Пытаясь, было, унять набежавшую тревогу (а тревога всегда оказывалась пропорциональна поглощающему меня страху от неизвестности), я обнаружил, что мне, в какой-то мере, нравилось подобное состояние. Это еще более казалось странным оттого, что так быть не должно. Нисколько. Никогда. И уже от осознания сего факта - мне стало еще больней (где-то там, в глубине подсознания...).

Но я знал и о том, что так просто мне уже от этого не избавиться. А то и наоборот, чем больше я начинал задумываться об этом, тем явнее почему-то начинал оправдывать то, что происходит. Что это было?.. Так ли серьезно все было на самом деле?.. Или многое, я уже начинал домысливать сам?.. Но мне почему-то казалось, что все было именно так... А то и настоящая реальность,- была еще намного хуже.

Глава 12

Не знал я, что когда-нибудь мне будет так плохо. Как не знал я, наверное, и ничего из того, что произойдет со мной. Что произошло. Что должно произойти.

Закурив вытащенную из пачки последнюю сигарету, я недовольно поморщился. Курить не хотелось. Как внезапно расхотелось и вообще все. И главное - жить.

И ведь неизвестно, когда это все, на самом деле, началось. Я задумался. Мысли лезли в голову все больше соответствующие моменту: грустные и недоверчивые друг к другу. Словно бы каждая из них имела право на какую-то собственную жизнь. И снова сама же - сомневалась в этом. А вот я как будто уже ни в чем не сомневался. Мне только захотелось в последний раз (перед тем, когда уже все на самом деле закончиться) испытать все то, что столь печально (и почти неожиданно для меня) привело к результатам, которые я наблюдал сейчас. Привело к полному отторжению жизнью. Стремлению эту самую жизнь -- побыстрее -- закончить. А новую... А новую, быть может, уже и не начинать.

Да и зачем она мне была нужна? Тем более, что не видел я в этой самой жизни никакого просвета. Словно бы и не задумываясь, что она может продолжаться. Продолжаться без меня.

Я шел по еле просматривающейся среди густой травы тропинке. Я знал, что идти еще предстоит полчаса. Потом начнется лес (тропинка упрется в лес, который уже виднелся где-то вдали). И в этом же направлении останется пройти еще пару километров. Потом появится речка. Мелководная. Следует перейти по ее каменистому дну. И только тогда будет заметна тропинка.

Тропинка, ведущая в гору. Гора была высокая. Но в этом месте склон был не слишком отвесен. И вполне свободно (потратив на это несколько часов) можно будет добраться почти до вершины. Но ведь мне и сама вершина была не нужна. Прямо перед ней (когда останется всего с десяток метров, которые даже уставшими от длительности пути ногами можно было преодолеть сравнительно быстро) будет небольшая дорожка вниз. Но это движение вниз обманчиво. Ибо лишь только однажды ступил на нее я (думая, что двигаюсь вниз), как окружающая его действительность сменилась чем-то неопределенным. А летнее солнце, склонившееся к закату, не только совсем исчезло, но и его словно бы и совсем не было.

Что подумал я тогда? Ошибочно было думать: что? Ведь на самом деле я совсем ничего не увидел. И даже не понял, когда успел потерять сознание. Очнувшись...

Впрочем, о том, что я увидел, очнувшись, сейчас лучше не вспоминать. Но опаснее всего было то, что после того как я полагал, что все для закончилось, я убедил себя, что должен испытать все пережитое вновь. И чем больше я вытеснял это столь странное желание из своей головы, тем больше оно казалось мне загадочнее, и,-- уже быть может от этого,-- желанней.

И, наконец, наступил тот момент, когда я уже ничего не мог с собой поделать. И отправился на то же самое место, чтобы испытать уже порядком забытое чувство вновь. Чувство какой-то невесомости. Хотя я понимал, что вполне могу ошибаться. Ведь я на самом деле не помнил ничего. А реконструкция событий всецело состояло только лишь из домыслов и совсем нереальных предположений. Причем, у меня появились все сомнения считать, что я только запутываю себя.

И еще. На самом деле вполне могло быть так, что ничего со мной не произошло. А еще вернее - я упал, потерял сознание. И мне приснился какой-то загадочный сон. Сон, который я пытался разгадать все это время.

Но все же считать так я не имел права. И не потому, что так не могло быть. Нечто подобное со мной случались часто. Был я впечатлителен. Внешность имел подходящую. Но почему тогда я сам был убежден, что это все не так. И все со мной происходило в реальности. Ну, может быть, в полуреальности. И уж наверняка я должен был выяснить: что и как? И только потом уже решать: будет ли у меня после этого будущее? Ибо были достаточно серьезные опасения, что после того, что я увижу, - все останется по-прежнему. А может и наоборот, ничего не произойдет. Так я считал. Ну или в этом мне удалось убедить себя.

.....

Наверное я слегка переусердствовал в своем желании что-то понять. Ибо так вполне могло случиться, что понять я не должен был ничего. А если у меня был какой шанс, так это пока еще вернуться. Обратно. Но обратно я возвращаться не хотел. А даже наоборот - как будто стремился

проникнуть еще глубже. В свое подсознание. Ибо у меня отчего-то появилась уверенность, что все происходящее на самом деле происходило. Но происходило где-то в глубинах психики. Моей психики. Которая на какой-то миг перестала быть моей. А я не понимал толком - будет ли уже когда что-то иначе?

Нет. Этого я не понимал. Как не мог с точностью сказать, что сейчас происходит. Иной раз я думаю: действительно ли что-то подобное могло произойти со мной? Ведь уже получалось, что если это было действительно так, то тогда уже как бы следующим ходом - я мог отыскать несколько неточностей, которые сами за себя указывали бы мне, что чего-то подобного просто произойти не могло. И как бы я ни старался, всякий раз отыскивалось бы что-то, что возвращало бы меня назад. И если мне только еще раз на это взглянуть, то я бы в который раз понял, что ничего из того, о чем я только что вспомнил - со мной не происходило. А что еще более наверняка - все это был некий чудодейственный сон. Который каким-то образом стоял постоянно передо мной. И повторения которого я почему-то до сих пор желаю. Почему? Да, наверное, лишь потому, что я на самом деле так и не ответил себе на вопрос: что там в действительности происходило? И что было раньше? И еще. Мне отчего-то казалось, что во всем моем нахождении в том месте передо мной стояла какая-то другая задача. И ее-то я как раз не выполнил. Но и в чем она заключалась - не мог вспомнить. И это было самое печальное.

Глава 13

Я шел по улицам дождливого города. В моем сознании давно уже были дождливые (серые, размытые, невзрачные) улицы, проспекты, дома, люди. Все жители городка казались мне такими. Спросить, было ли такое ощущение в другом городе, так и ответить бы утвердительно не смог. Просто не размышлял я об этом раньше. Думал о чем-то другом. Но о чем - тоже не сказал бы сейчас...

Какое-то непонятное чувство разливалось внутри. Было все непонятно, неосознанно, неузнаваемо. Непривычные очертания предметов, казалось, совсем недавно потеряли свою актуальную значимость. А может они и такими были всегда.

Совсем не хотелось никого узнавать. Тем более встречаться, или заново знакомиться. И уже как бы само собой, сказать куда шел - я не мог. Ни я, ни кто другой.

Но здесь еще не было такого уж серьезного ощущения опасности. Со мной такое случалось и раньше. И придавал какое этому серьезное значение я только вначале. А начало было давно. И с тех пор я как будто свыкся. Ну или наверняка должен был свыкнуться с подобным положением. И уж нисколько не переживать и не расстраиваться по поводу того. Да, пожалуй, и не было этих

чувств сейчас. Потому как я шел даже, казалось, совсем выверено. Ну, в смысле, по достаточно проторенному пути. Пути, известному мне одному. И... неизвестному совсем.

Подобные походы всегда заканчивались чем-то страшным. Кошмарными сновидениями, например. Или галлюцинациями. Я тогда с суматошной поспешностью вбегал домой. Сколько раз я переполнялся невероятной благодарностью неизвестным архитекторам, спланировавшим постройку моего дома таким образом, что комната, где я находился сейчас, каким-то загадочным образом выпирала с угла так, что ни подо мной ни сверху не было других помещений. А значит я чувствовал – дополнительно чувствовал – одиночество.

Еще до приезда в город я порывался вплотную заняться изучением его истории. Но как-то все время откладывал. А теперь уже и не досуг было. Потому как с суматошной поспешностью я забегал домой. В затуманенном сознании задерживались шторы. И не успевал я подумать о чем-либо, как тело отказывало мне, нарушалось притяжение земли, и совсем теряя способность находиться в пространстве, поддавался я тому рою, что уже заполнял мое сознание. - и... попросту не помнил (он) уже ничего.

Что мне было делать? Как справляться с начинавшимся безумием? Да и надо ли было справляться? Не лучше ли было подчиниться этому суматошному бегу совсем отчаявшихся мыслей?

.....

Но страшнее всего была необходимость избавиться от страхов. По сути, что такое страх? Одно время я специально пробовал заниматься изучением данного вопроса. Но ни к чему толковому (применительно к себе), в своих размышлениях не пришел. Нет, конечно же, мне удалось объяснить природу страха. Целый ряд классиков и современных ученых, от психотерапевтов до психиатров, высказывались по этому поводу. И я мог объяснить возможную причину развития страха. Но дальше (помимо объяснения) дело не пошло. Да и, по сути, мне это было уже не нужно.

А самое главное заключалось в том, что с недавних пор я научился справляться с природой собственных страхов. Направлять их в нужное русло. Да и сами страхи в отношении меня превращались уже не в страхи, как таковые, а в различные производные страха, как-то: тревоги, волнения, беспокойства. Понятно, что с этим, мириться было нельзя. Да я никогда бы не согласился на что-то подобное. Но вот научился я преобразовывать, трансформировать природу страха. В какой-то мере даже нивелировать ее.

Другими словами, я стал работать со своими страхами. И одним из способов выбранного метода была сублимация, то есть проецирование внутреннего состояния в творчество. Я стал писать картины.

При этом, что любопытно, поначалу не заботясь о качестве собственных полотен (на это не было ни сил, ни времени) и нисколько не будучи даже поверхностно знакомым с техникой живописи (поиск нужного цвета, смешивание цветов, ретуширование), я со временем каким-то удивительным образом стал обращать внимания и на эти вопросы. Точнее, стал понимать, разбираться в них. При этом, главным образом, до всего приходилось доходить самостоятельно. Тратить время на ученичество под чьим-либо руководством попросту не было времени, сил, желания. Да и композиции полотен буквально струились из его подсознания. И оставалось только подставлять мольберт и кисть. И даже краски, по сути, были не так нужны. Потому как я с ровным успехом мог бы рисовать и на стекле, и на снегу, и в своем воображении. Главное было не это. Важно было то, что таким вот незадачливым образом я на самом деле избавлялся от собственных кошмаров. И каким-то загадочным образом излечивал себя.

Почему так происходит? Ведь было на самом деле любопытно, почему сублимация случилась именно в художественное творчество. А, например, не в то же литературное. Да, в принципе, мало ли во что еще могла произойти эта сублимация.

.....

А иногда... А иногда я превращался как будто в совсем другого человека. В этот момент у меня не было неразгаданных тайн. А, несмотря на, в принципе, достаточно большую психику (с явной симптоматикой зарождавшихся психопатологических заболеваний), я, как оказалось, умел не только мечтать, но и мечты мои были... прагматичные. Правда, тематика подобной прагматичности почти не претворялась в каких-то реальных делах. Но иногда представала во всей красе в сновидениях. И тогда, просыпаясь после сна, я вполне сознательно окончательно не просыпался. Как бы стремившись удержать в себе чудо, явившееся во сне. А когда оно исчезало - в душе начинала царить откровенная гадость. словно все мрачные силы, вынужденные до поры до времени скрываться, вдруг выползали наружу. Причем, слово «выползали» даже, пожалуй, недостаточно четко раскрывает все то безобразие, какое я начинал испытывать. Потому как, они не только выползали, но выползали и выползали. Так что, в итоге, мое паническое состояние настолько переполнялось всем тем ужасом, от которого я доселе скрывался, что у меня буквально готовы были опуститься руки. И тогда я усилием воли – сначала просыпался, а после снова засыпало. И – в большинстве случаев картинка сна была уже иная. А случилось – и противоположная увиденному недавно.

Но часто в душе была одна лишь мразь и гадость. И уже потому, наряду со все реже случавшимися просветлениями - я все больше стал вынужденно принимать за свое нормальное состояние весь тот хаос, который с недавних пор господствовал в душе. От этого нового состояния не было спасения. И какое-либо бегство становилось возможным лишь в мир иллюзий. Которыми я вскоре подменил реальную жизнь. И стал жить в плену обманчивых образов. А то, что некогда еще считалось настоящим, постепенно задвигалось, пока не оказалось окончательно скрыто на заднем плане. И сгинув в глубинах памяти, оно уже практически не могло быть востребовано обратно. Да мне, пожалуй, и не пришло бы такое в голову.

К слову сказать, эта черта характера (которую вполне можно отнести к особенностям моей психики, точнее - потаенных уголков ее) проявлялась достаточно редко. А механизмы ее включения долгое время оставались неразгаданными. Пока я не понял, что существует определенный момент, когда то, что до сей поры так тщательно скрывалось, со всей откровенностью и прямоотой выбрасывалось на поверхность. Выстреливая словно пробка из-под шампанского.

И тогда я становился неуправляем. Круша все, что попадалось на пути, да облаивая всех такими словами, которые, услышь я сам в иное время нечто подобное, тотчас бы слег с сердечным приступом в больницу. Но я ругался. Потому что зачастую в драбадам пьяным был в этот момент.

Но и нельзя сказать, чтобы я (вследствие такого поведения) испытывал какие-то затруднения. Я даже, по всей видимости, и не думал о том. Ни в день праздника души (ночь, день, какая разница; если я начинал пить - времени суток не существовало). Ни на следующий день. (Правда, на следующий день я ничего не хотел помнить. Любое воспоминание отзывалось болью). А вот потом... Когда память, как оказалось, совсем ничего не забыла, и лишь на время затаившись, вдруг разом начинала возвращать свое... Вот тогда уже становилось действительно страшно.

Жуткое зрелище являл я при этом. Совсем не было сил пытаться как-то сопоставлять или анализировать происходящее. Я попросту вынужденно, и даже с какой-то безучастностью, констатировал происходящее. Причем, эмоциональное состояние было настолько разрушено, что какие-либо стремления (если только предположить, что они еще были возможны), устремлялись не туда. А психика... психика являла такое жалкое зрелище, что можно было говорить и вообще о каком-либо скором окончании земного существования. А то и вовсе, казалось, нет у меня никакой психической жизни. Живет та по совсем иным законам да только ей понятным правилам. Но хоть живет...

Но что это была за жизнь? Обострение симптоматики заболевания, да и только.

И можно было сказать, что уже не было меня. Я сам не хотел жить.

Но отчего-то все цеплялся за эту жизнь. Хотя и в любой реальности своего существования запутался. И в иные моменты (которых становилось все большинство) совсем не мог уверенно утверждать где был я, а где мое воображение.

И казалось, что меня не было. А был какой-то выдуманный образ, которому я пытался соответствовать. При этом, в любую минуту картинка окружающего мира могла измениться. И тогда можно было совсем запутаться, что же было правдой, а что вымыслом. И при любом желании разобраться вопрос только запутывался. И уже нельзя было сказать, был ли вообще я, существовал ли? Или меня не было. И тогда воспоминания мои лишь следствие воспаленного воображения.

Но я жил. И как будто не жил вовсе. Я чувствовал.... А что, собственно, я чувствовал? Разве мог я, если подумать, хоть что-то чувствовать? Неужели я был способен хоть как-то еще тестировать реальность. Анализировать действительность. Способен ли был?

Если честно - нет. Но даже не это было самое страшное. Все дело в том, что почти тотчас же я начинал испытывать такое чувство вины, что и мысли, и желания, да и вообще, все, что только могло являться проявлением каких-либо психических реакций, надолго становилось парализованными. Я не хотел жить. Я не хотел умирать. Я не хотел вообще ощущать что либо. Но психике, внутреннему «Я», бессознательному, которое внезапно и независимо ни от чего начинала господствовать, теперь было совсем безразлично до каких-то там желаний. Я вообще как будто перестал на что-либо обращать внимание. И теперь ощущал себя самым настоящим подонком. Мерзавцем. Проходимцем. Ничто не способно было оказать на меня хоть какое-то влияние. Я вдруг разом превращался в некое амебоподобное существо. И в этом своем состоянии, можно было сказать, что и был естественным. Без прикрас и без той заретушированности, что приставала ко мне за время жизни, и благодаря которой я мог казаться человеком. На самом деле я был полное ничтожество. Негодяй и подлец. Из плоти и крови. Подонок.

Впрочем, таким я на самом деле был. И даже понимал о том сам. Но это совсем не значило, что таким меня знали другие. И ведь даже - совсем не знали. В представлении большинства я был человек, погруженный вглубь себя. Привыкший заниматься своим делом (любопытно, что мало кто знал - каково оно), не вмешиваясь в дела окружающих. Скромный. Застенчивый. Немного заикающийся, тщедушный человечек. Этакая, никому не мешающая, трава. Растение. Иной раз, правда, невероятно разрастающаяся какими-то сорняками. Но это уже, вероятно, некое, присущее мне нравственное убожество. И, не более.

И вот таковым субъектом был я. И сейчас, после очередного запоя, уже несколько суток сидел понурый. Лишенный, каких-либо желаний, стремлений, возможностей. А потом уснул. Я

спал и видел сны. И снилось мне, что я стал совсем другим человеком. Изменился. И фантазийное бессознательное настолько приобретало надо мной свое воздействие, что мне внезапно захотелось (своеобразный сон - во сне) и вовсе не просыпаться.

Но так, конечно же, было не возможно. Потому как уже ждали меня суровые будни. И еще неизвестно, что было на самом деле страшнее. То, что было в прошлом. Или что высвечивалось в будущем. Я этого не знал.

Глава 14

Но вот чего я поистине боялся, так это возникновения состояний той необъяснимой тревожности, перед которой я оказывался совершенно беспомощным. Она наползала на меня как-то внезапно и неожиданно. К ней совсем невозможно было подготовиться. Но даже если бы и случилось подобное, то это еще совсем не означало, что можно от нее избавиться. Тревожность, в свою очередь, вызывала почти не прекращавшееся беспокойство. И у меня разом пропадали интерес к жизни. Как-то быстро исчезала способность к сопротивлению. И тогда я являл собой поистине жуткую картину. Картину полного погружения в себя. В свои страхи, кошмары, фобийные ужасы да то беспокойство, которые являлись следствием разрастания в психике ростков тревожности.

Когда случалось подобное, я совсем переставал заботиться о себе. Жил я один, и это в какой-то мере еще более усиливало проблему. Проблему, о которой я имел достаточно призрачное представление. Я как бы только отмечал про себя (и информация тотчас же отправлялась в подсознание) следствие случившегося. И у меня не было сил (желания, возможностей) обращать внимания на детали. Одежда, речь, даже мысли разом приобретали какой-то хаотичный порядок. Порядок следования чему-то беспорядочному. В пределах нескольких секунд могло родиться с десяток противоречащих друг другу желаний. От которых я тут же отказывался, потому как рождались желания новые. Можно было даже сказать, что в этот момент я нисколько не отдавал себе отчет в происходящем. Но почти точно также, я и не оказывался способен следовать своим беспорядочным мыслям. Что бы сделать хоть что-то.

И тогда я на все время обострения заболевания помещал себя в замкнутое пространство. Коим, например, являлся мой загородный дом или городская квартира. Точнее - одна из комнат. Потому что не было сил перемещаться куда-либо за пределы собственного мира. Мира – ограниченного в том числе и четырьмя стенами.

И мне не было спасения. Не представлялось возможности прекратить страдание. Закончить мучения. Изжить симптоматику возникновения тревожных состояний. Которые, казалось, были навсегда со мной. Но потом внезапно проходили. Уходили. Причем я никогда не задавался

лишними вопросами, словно опасаясь, что если начну о чем-то спрашивать себя – тотчас же все возвратится. Я старался всегда быть осторожным человеком. И предпочитал до поры до времени не думать о случившемся, опасаясь повторения.

Хотя, это самое повторение все равно наступало. И я вновь оказывался безоружен перед ним. И точно также мучился, страдал, исходил слезами отчаяния от осознания полнейшей неспособности предотвратить наступление подобного, и от ощущения своей ничтожности перед ним.

А то и вообще ощущал себя полнейшей сволочью. В эти минуты (плавно переходящие в часы, дни, иногда недели и даже месяцы) мне никого не хотелось видеть. Почти точно также, как в периоды страхов, беспокойств, и тревожностей. Только на этот раз подобное было совсем иное состояние. А причина заключалась в том, что я внезапно начинал ощущать мнимость и призрачность собственного бытия. И ничто не способно было разубедить меня в подобном убеждении. Ничто. А то и наоборот, словно в подтверждение, внутри, в самых глубинах психики, назревал самый настоящий конфликт. Конфликт, главными действующими лицами которого были совесть, честь... беспокойство. И - вина.

Именно вина, чувство вины, как я подозревал, была своего рода инициатором происходящего. От этого чувства нелегко было избавиться. А то и невозможно. И не потому, что вина была производным совести. Точнее, не только потому. Но и ситуация значительно осложнялось тем, что вина никогда не подчинялась никаким правилам. И уходила и приходила по распорядку, удобному ей. Совсем не нуждаясь в какой-либо борьбе с самой собой. Да и была она, по сути, всегда какой-то... неощутимой. И при всякой опасности исчезала. Чтобы потом вернуться вновь. Но чаще всего возвращалась уже не одна. Призывая на помощь любые возможности, которые предоставляла сама патология сознания. И стоило зародиться желанию как-то прекратить собственные страдания, тотчас же вина (не важно за что) уже грозила исчезнуть. Но только грозила. Потому как вина, с недавних пор получившая полное право собственности в моей душе, с тех пор уже не исчезала. Она только затихала на время. Превращалась в нечто неощутимое. Необъяснимое. Неизведанное. От которого болела голова. А внутри начиналось еле слышное покалывание. Содрогание оболочки. Как будто и сердце, и почки, и легкие, и мозги, и... -- начинали перестукиваться между собой. Большею частью даже неощутимо. И при этом я внезапно начинал подчиняться каким-то необъяснимым подергиваниям внутри себя. Подчиняться тревожности. Чувство вины рождало тревожность. И с этим ничего нельзя было поделать.

А еще, бывало, у меня действительно пропадало желание бороться за жизнь. Но, вылиться во что-то конкретное такое желание не могло (кроме как привести к еще большему возрастанию внутреннего конфликта). Не могло потому, что был я слишком слаб, чтобы как-то попытаться прекратить свое существование. Но еще вероятней, что на каком-то этапе такого существования я

даже начал испытывать что-то типа удовольствия. Быть может, пока не объяснимого. Но несмотря на то что оно мне не нравилось, без него я не мог.

А один раз, когда внутренняя умиротворенность затянулась, мне показалось это как-то неестественно долгим. И я был чуть ли не вынужден вызвать чувство вины. Чтобы хоть как-то остудить себя. Но это оказалось сложно. Криво усмехнувшись, я начал вспоминать печальные жизненные ситуации, которые раньше стремился забыть. И тотчас же чувство вины не заставило себя ждать.

Тогда все становилось на свои места. Места, конечно, достаточно искаженные по содержанию. Но иного не дано. Поэтому самым разумным, как считал я, было смириться с происходящим. Что, собственно, и делал. А как иначе?

Глава 15

А одним из самых жутких моих страхов являлось состояние, когда я замечал, что кто-то еще есть рядом. И при этом, конечно же, никого не было. Сколько раз, бывало, я оглядывался, в тщетной надежде обнаружить хоть кого-нибудь. Но этот кто-то всегда самым удивительным образом исчезал. Хотя я знал, что этот кто-то существовал. Его незримое присутствие я чувствовал рядом с собой. Причем, совсем невозможно было определить, кто это был на самом деле. Быть может он находился совсем даже не сзади, как до того почему-то я считал. И не сбоку. И что наверняка, этот кто-то находился даже не в пределах видимости. Его совсем невозможно было заметить. И бывало, на неудачное в итоге обнаружение двойника (у меня были все основания полагать, что этот кто-то был двойником) уходило все время. После чего настроение менялось невероятнейшим образом. А иной раз становилось до того грустно и обидно, что хотелось заплакать. Что я, признаться, иной раз и делал.

Но проходило время, и я вновь принимался за поиски. Безуспешные, по сути. Беспольные, по результатам. И... безнадежные,- в своей безнадежной безнадежности. И уже совсем невозможно было ничего поделать. Разве что смириться.

Кстати, со временем некогда суматошные поиски двойника стали приводить к каким-то результатам. Пока еще нельзя было утверждать, что я действительно его нашел. Загадывать наперед, а тем более говорить неправду, я не любил. Но в иные мгновения (когда реальный доселе мир начинал приобретать абстрактные позиции) я уже почти не сомневался: я не только не один, но и тех, других, было несколько. По крайней мере, они представляли передо мной в разных обликах. И наверное достаточно сложно было бы сказать, сколько было их: один - или несколько. Например,

я видел двоих. А потом еще одного. И это, что надо заметить, помимо того, первого. Так что, вполне можно было говорить о... Ну, не мог же я ошибиться? Причем, даже по внешнему виду все замеченные мной отличались друг от друга. И... от меня.

Самый наглый, конечно, был тот, которого про себя я обозвал Злодей. Это был невероятно раздувшийся тип, с черными тонкими усиками офицера-белогвардейца и лицом мерзавца. Хитрые, бегающие глазки дополняли картину, и оттягивали желание видеть этого типа еще.

Тот, впрочем, словно заметив производимый эффект, практически перестал попадать на глаза. Хотя, чем старательнее он скрывался, тем больше у меня рождалось ощущение его присутствия. Как будто этот Злодей находился не только рядом, но и словно все время за спиной. Дышал в затылок. Ловил каждый вздох, выражение лица, периодически случавшийся нервный тик (лицо мое в таких случаях перекашивалось в нервной усмешке). Ничто не ускользало, казалось, от Злодея. Поэтому самое место ему называться не злодеем, а самым настоящим мерзавцем. Если бы... не было Мерзавца.

Мерзавец был невероятно длинным, худым, костлявым... мерзавцем. Так получалось, что с недавних пор все свои неудачи я списывал на него. Если меня кто предавал - я знал кто. Если обманывал - знал с чьей подачи. Если я попадал в настоящий жизненный тупик - знал кто этот тупик инсценировал.

И выходило так, что эти двое (Злодей и Мерзавец) как-то удивительно дополняли друг друга. Вернее, дополняли бы. Если бы не было... Негодяя.

Этот третий был и на самом деле Негодеем. Откровенным. Если требовалось кого-то предать - предательство было заказано. Если в чем-то зарождались сомнения, почти наверняка таковые сомнения оборачивалось не в мою пользу. Если какая предательская мыслишка пробегала где-то рядом, Негодяй приглашал ее заглянуть ко мне. Да быть может и ощущение собственного ничтожества, которое все чаще сосредотачивалось вокруг меня, каким-то образом следовало искать в присутствии этих трех моих «Я». Трех основ сознания. Внезапно перевоплотившихся в действительность.

Но пожалуй самым удивительным было необъяснимое желание увидеть этих трех - разом вместе. И казалось это удивительным потому - как в этом желании почти не было... самого желания. Нет, конечно, подобное желание явно угадывалось, а то и до боли отчетливо, но на самом деле никакого желания не было. Были какие-то неосознанные позывы, продиктованные, быть может, какими-то деструктивными позициями, но не более.

Я не хотел (да и не имел привычки) кого-то запутывать. Просто так выходило, что начал теряться я сам. Через время махнув рукой на любую попытку разобраться. Да и в чем? В чем мне

необходимо было разбираться? Ведь вполне могло быть, что все виденное мной таковым, как привиделось, не являлось. А уже напоминало, скорее, сон. Или потусторонне-ирреальное бодрствование.

А можно было и вовсе оставить все в том виде, как оно и было. Если бы... если бы не стала вся троица являться все чаще и чаще.

Сколько сил, бывало, уходило, чтобы избавиться от подобного рода ощущений. Впрочем, иногда это удавалось. И тогда разом все прекращалось. Прекращались видения. Но это совсем не означало, что исчезала проблема. Да и стремление еще больше упрочить ситуацию, когда оставался я один, вскоре приводило к совсем обратным последствиям. А эти гады вновь появлялись. Уже даже не в подсознании (откуда они появлялись, и куда уходили), а, как бы еще более явственно заявляя о себе. А то и вставая в полный рост, хихикали, любуясь собой. И ведь действительно это было очень характерно для негодьяев. Именно - любуясь; любуясь - произведенному эффекту. И эта троица совсем не была какой-то ирреальной. А теперь они представляли довольно реальных субъектов, которые проявляли удивительное единство, перемигиваясь и перешучиваясь между собой.

Что это было такое? Насколько долго могло продолжаться подобное? Насколько оно вообще было устойчиво? Трудно было ответить на эти вопросы. Да и, должно быть, невозможно. А потому вскоре я смирился с происходящим. И теперь откровенно скучал, когда не сразу замечал кого-нибудь одного из них. Злодей, Мерзавец, Негодяй - каким-то невероятнейшим образом слились со мной в единую суть крайней убогости мировоззренческих позиций. А еще через время, я перестал замечать их. Став... одним из них...

Глава 16

Несмотря на достаточно внушительное число наличия отклонений в психике, я никоим образом не был согласен на проведение какого-то лечения, считая эту процедуру, по меньшей мере, излишней. Я даже боялся диагностики. Рассматривая посещение специалиста чем-то, по меньшей мере, не нужным и не обязательным. Тогда как подобное посещение все же состоялось. Что, вероятно, показалось удивительным и для самого меня. И даже нельзя утверждать, что я не согласился ни с одним из предложенных мне результатов обследования. Совсем даже нет. И инстинктивно ограждая себя от продолжения подобных исследований, я был вынужден признать что эти специалисты были правы. Мне на самом деле следовало заняться своим здоровьем. Но вот только понимать-то я понимал, но предпочитал оставить все как есть. При этом, чего я на самом деле боялся, трудно было сказать. Может - изменений в сознании. В осознании жизни. Ведь любая

психотерапия на то и направлена, чтобы, добившись изменения в сознании, отдалить это самое сознание - от ошибочной оценки действительности. А этого я не хотел.

Что до того, какие изменения в сознании последуют. Этого я не знал. Но изначально боялся. Боялся, с самым настоящим проявлением страха. Того страха, который, в принципе, присутствовал всегда. И чего я мог добиться? Призрачной надежды на изменение психического восприятия бытия? Или появления нового страха? Теперь уже страха за последствия процедур. Что было лучше? Можно было, конечно, согласиться с одним из специалистов, считавших, что подобная реакция лишь вполне закономерное проявление сопротивления (защитной реакции психики). Но разве это что-то меняло? Тем более, о чем-то подобном догадывался я и сам. Но ведь я решил положиться на проявление интуитивных подсказок организма. Психики. Собственных, уже устоявшихся, взглядов на окружающую действительность. Так зачем же было что-то менять? Тем более я к своим странностям уже привык. И даже не считал их такими уж странностями. Так, чем-то вроде особенностей организма. Индивидуальных организма. А потому я решил тут же забыть посещение специалистов. А заодно перестать общаться с одним из своих знакомых, собственно и инсценировавшим подобное посещение.

Кстати, что касается знакомств. Потеря очередного знакомого вовсе не означало одиночество. Ибо эта была еще одна моя особенность: насколько быстро я с людьми сходилась - настолько же быстро и разрывал отношения. Причем, зачастую, без какого-то конкретного повода. Ориентируясь скорее на свои какие-то домыслы и предположения, нежели чем на реально существующее положение дел.

И тогда я бежал от этого знакомого со всех ног. Но это уже наверно другая история.

Сергей Зелинский

март-апрель 2015 год.

© С.А.Зелинский. Лабиринты сознания.